

Нурали Латыпов
Анатолий Александрович Вассерман
Острая стратегическая
недостаточность. Страна на переПутье

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3941975

Острая стратегическая недостаточность. Страна на переПутье / Нурали Латыпов, Анатолий Вассерман.: Астрель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-43934-6

Аннотация

Аналогов этой книги не было и еще долго, видимо, не будет. Это – настоящая информационная бомба – по историческим фактам, по прогнозам о том, что нас ждет, по техничным решениям, которые позволят нашей стране сделать рывок в будущее. Авторы ищут стратегии на планете, порядком истоптанной тактиками, и находят их даже на 1/6 части суши... Просим каждого, кто взял в руки эту книгу, прочитать ее целиком. Тогда появится надежда, что будущее у нашей страны все-таки есть.

Книга направлена первым лицам России и нескольких сопредельных государств.

Содержание

Лучше маленькая стратегия, чем большая тактика	4
Предисловие	5
Юбилейные уроки	7
Углеродородная стратегия. Державы великие и энергетические	28
Заокеанское сухопутье	30
Давайте жить дружно	31
Равновесие страха	32
Нефтяная игла	33
Лоббисты у штурвала	33
Стратегия и тактика	34
Кровь земли	35
Безудержная конкуренция	35
Вертикальный интегратор	35
Создание потребителей	37
Чудо на шинах	38
По любым преградам	38
Тихоокеанская конкуренция	42
На чужом горючем	42
В надежде на поворот к северу	43
В поисках сырья	43
Точка удара	44
Недопобеда	45
Наполеона погубила исполнительность	46
Немцы и горючее	48
Кто виноват?	51
Ценовое оружие	56
Игры на коммуникациях	58
Альтернативы нет	60
Иранский провал	62
Нефть против веры	64
Ресурсы – из трубы в трубу	66
Таскать вам не перетаскать	66
Тактика без стратегии	67
План на десятилетия	69
Гидродоллары	69
Стратег ли Сталин. История в кривом зеркале	72
Главный пиарщик	74
От катастрофы к торжеству	75
Предвоенные манёвры	78
И танки наши быстры	80
Стратегический... ретроград	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

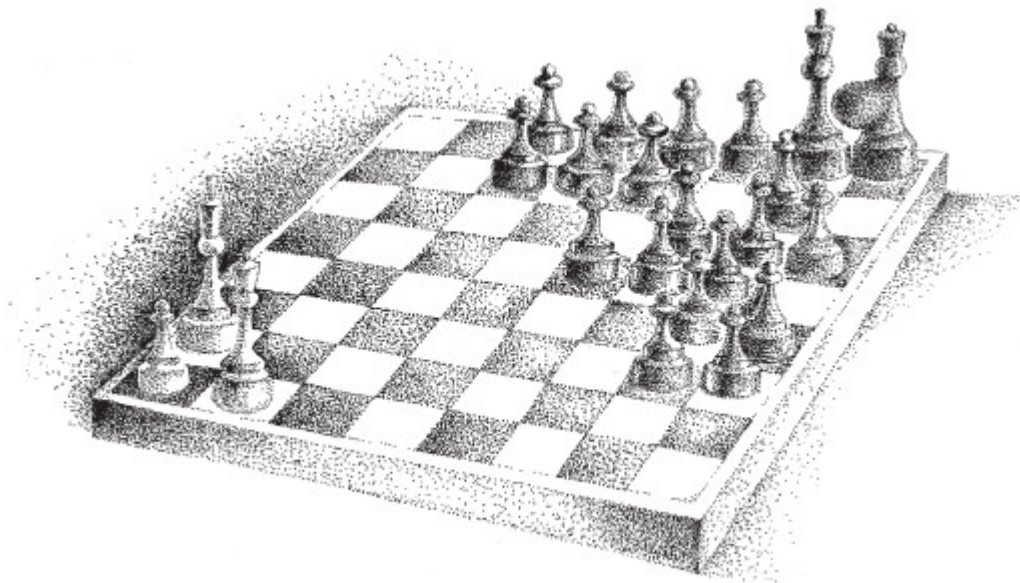
**Нурали Нурисламович Латыпов,
Анатолий Александрович Вассерман
Острая стратегическая
недостаточность. Страна на переПутье
Лучше маленькая стратегия, чем большая тактика**

Авторы глубоко признательны: писателю Дмитрию Гаврилову – за помощь в разработке ряда культурологических проблем; Резеде и Тимуру Латыповым, а также Григорию Бреусу – чья самоотверженная поддержка позволила закончить книгу в обозримый срок.

Наша благодарность доктору технических наук Николаю Денисовичу Цхадая и доктору технических наук Николаю Николаевичу Карнаухову, чьи полезные советы и замечания помогли нам разработать темы деиндустриализации и углеводородной стратегии.

Неоценимую помощь в работе над книгой оказали нам Андрей Викторович и Алексей Андреевич Крапивины, за что мы им очень признательны.

Предисловие

23-го февраля 2012-го кандидат в президенты (ныне уже избранный президент) Владимир Владимирович Путин выступил на митинге своих сторонников на стадионе «Лужники».

«В этом году мы будем отмечать 200-летие со дня Бородинской битвы – сказал оратор, – и как не вспомнить Лермонтова...

«Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.»

Битва за Россию продолжается».

Действительно, битва за страну продолжается. И линия фронта проходит не только между либералами и государственниками, не только между честными и коррупционерами, не только между богатыми и бедными, но – самое главное, с нашей точки зрения – между стратегами и тактиками.

Стратегам во все времена, во всех странах всегда приходилось тяжело, поскольку стратегический замысел трудно понять даже хорошим тактикам – не говоря уже про широкие, мало просвещённые слои населения, из коих так легко лепится так называемое «общественное мнение». России же XXI века вообще можно поставить диагноз: острая стратегическая недостаточность.

Новый президент страны напомнил про двухсотлетие Бородинской битвы. Но именно этой битвы так старательно избегал один из величайших стратегов в истории России – Михаил Илларионович Кутузов. Кутузов очень тяжело переживал большой стратегический просчёт императора Александра I, заключившего союз с Британией против Франции.

От этого союза Россия ничего не выигрывала, а только теряла – как в настоящем, так и в будущем. Союз с тогдашней Францией принёс бы ей не только политические, но и экономические дивиденды, и укрепил бы её безопасность на долгую перспективу. Кутузову пришлось применить и высокое дипломатическое искусство, и низменную хитрость, чтобы придать действиям Российской власти максимум стратегичности. У Кутузова был колоссальный

кредит доверия во всех слоях Российского общества – но даже этого кредита не хватило, чтобы избежать масштабного прямого столкновения с Наполеоном. В итоге, как писал тот же Михаил Юрьевич Лермонтов:

Плохая им досталась доля:
не многие вернулись с поля.

А ведь сохранение – как армии, так и мирного населения – ставил во главу угла Кутузов. «Скифская стратегия» русской армии удалась благодаря сложению двух кредитов доверия – сначала царя к Барклаю де Толли, а затем всего общества к Кутузову.

Избежать Бородинского сражения у фельдмаршала не получилось. Его замысел не понял бы ни народ, ни генерал, ни царь. Между тем Кутузов смог бы добиться той же победы над Наполеоном без бородинских жертв.

Ещё один стратегический замысел Кутузов не смог провести в жизнь. Перемирие, начатое было им с французами, оказалось сорвано под давлением британских интриганов и лазутчиков. А ведь реализуй Кутузов свой замысел, сохранилась бы большая сила российской армии и взаимно загасились бы силы армии Британии и Франции. Именно эти армии через пару – тройку десятилетий объединятся и будут громить Россию в Крымской войне. Именно этого – доминирования будущей Британии в Европе за счёт русской крови – хотел избежать старый фельдмаршал.

Не смог он и остановить выход Российской армии за пределы рубежей страны. Россия освобождала Европу, ничего не получив взамен – ни морально, ни материально. Тем не менее Кутузову хватило изворотливости сначала не допустить покушения на жизнь Наполеона (его намеревался провести диверсант Фигнер), а затем живым выпустить его из России.

Череда стратегических просчётов разных правителей разных эпох привела к тому, что – казалось бы неисчерпаемые – людские ресурсы России к XXI веку оказались катастрофически подорваны. Путин говорил на том же митинге: «Нас больше, чем 140 миллионов человек! Но мы хотим, чтобы нас было больше».

Он же говорил когда-то о крушении Союза как о величайшей геополитической катастрофе. И мы с ним в этом полностью солидарны. В этой книге подробно исследуются как все аспекты случившейся катастрофы, так и возможности избежать дальнейших потерь территории и населения России. Колоссальные территориальные потери, случившиеся в конце XX века, при всей их трагичности несоизмеримы с потерями человеческими. 140 миллионов даже абсолютно полноценных членов общества не удержат нынешнюю территорию в сложившейся геополитической ситуации. А если учесть больных, пьющих, наркоманов, становится совсем тревожно.

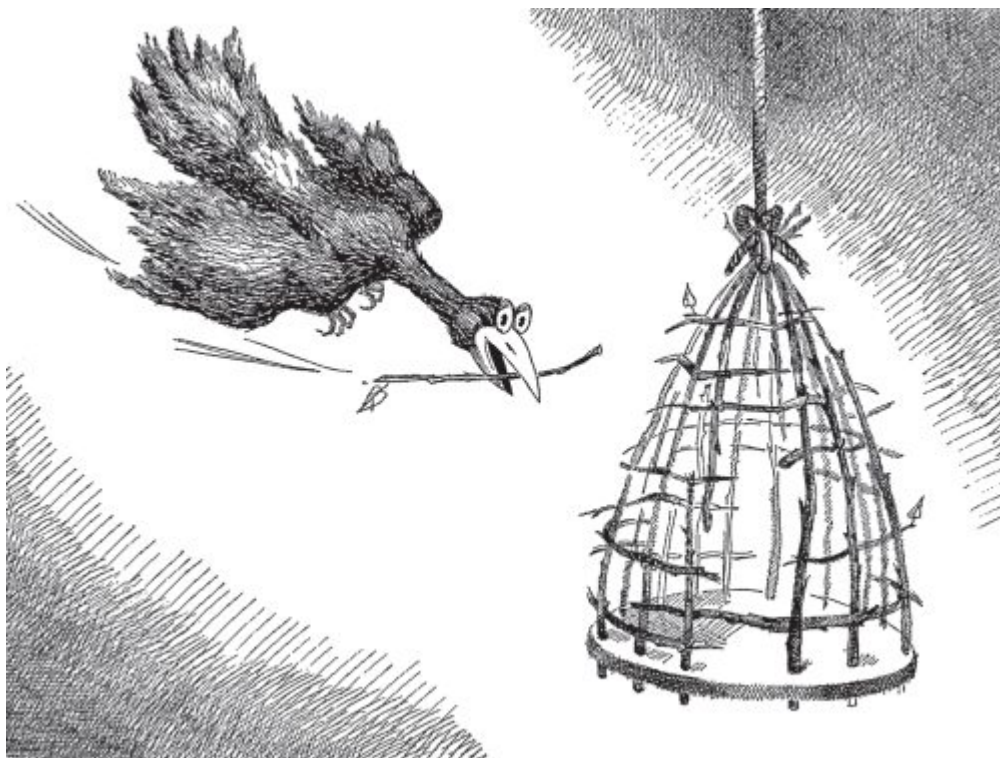
Вот почему мы уверены: Путин-тактик должен вырасти в Путина-стратега. Эта книга – своеобразное развёрнутое письмо на эту тему новому президенту и думающей части его команды.

Юбилейные уроки

О вождь несчастливый!... Суров был жребий твой:

*Всё в жертву ты принёс земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шёл один ты с мыслию великой,
И в имени твоём звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплён могущим убежденьем,
Ты был непоколебим пред общим заблужденьем;
И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.*

А.С. Пушкин. «Полководец»

Публицисты и историки XIX века говорят о троих российских стратегах, проявивших себя в войне с Наполеоном. Современные работы предпочитают выделять двоих. Но один из них и доселе оценён далеко не в полной мере. Хотя именно Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли посвящено стихотворение Пушкина «Полководец», откуда взяты строки эпиграфа.

Несомненно лучшим тактиком той эпохи был Наполеон Карлович¹ Бонапарт². Разве что Александр Васильевич Суворов мог надеяться разбить его в полевом сражении³. Лучший же ученик Суворова Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов на вопрос одного из младших своих домочадцев «Неужели надеетесь разбить Наполеона?» ответил обдуманно: «Разбить не надеюсь, но обхитрить – думаю, что смогу». По части ведения отдельного сражения Наполеону не было равных. Кутузов мог надеяться разве что выстоять под его ударами.

Вдобавок французские войска были лучше русских по боевому опыту: с 1792-го страна воевала со всей Европой. И в этих сражениях отработала множество новых тактических приёмов, высокоэффективных, как любая военная новинка (так, построение глубокой колонной вместо ровной стрелковой цепи упростило маневрирование на пересечённой местности, хотя и повысило уязвимость войск для артиллерийского огня – но тогда никто лучше самих французов не умел массировать этот огонь). Да и снабжались французы лучше. Император искоренил армейских казнокрадов самыми свирепыми способами – включая смертную казнь не на новомодной гильотине и даже не положенным военному служащему расстрелом, а через повешение. Российское же казнокрадство процветало ещё тогда без всяких препятствий. В результате, например, в одном из походов солдаты под командованием Леонтия Леонтьевича Бенигсена питались в основном сырой мёрзлой картошкой.

Вдобавок незадолго до вторжения Наполеона в русскую армию разгорелся очередной раунд традиционных интриг. Причём ключевую роль в них играл сам император Александр I Павлович Романов. Он оказался на троне в результате убийства заговорщиками его отца Павла I Петровича и, понятно, не желал, чтобы и на него нашёлся заговор. Поэтому старательно организовывал грызню между своими приближёнными. В частности, давал им пересекающиеся полномочия: система сдержек и противовесов придумана за многие века до Бориса Николаевича Ельцина.

Кстати, судьба императора Павла заслуживает отдельного рассмотрения здесь хотя бы потому, что изрядно повлияла на все последующие взаимоотношения России с Францией. Ведь сам Павел дважды, говоря современным языком, поменял политическую ориентацию (в смысле отношения к Франции).

В момент воцарения он относился к Франции очень тепло – просто назло покойной маме: та восприняла французскую революцию в целом весьма неодобрительно, а уж казнь законного короля и вовсе вызвала её негодование. Павел же в бытность свою наследным принцем успел поехать по Европе, проникся модными тогда идеями свободы, равенства и братства. Да на это наложились ещё и неприязнь к маме, десятилетиями державшей его в стороне от законного трона (по тогдашнему праву и обычаю она могла считаться разве что регентшей, обязанной передать трон сыну сразу по его совершеннолетию). Павел успел возненавидеть едва ли не всё, что она делала. И стал искать пути сближения с Францией просто назло покойнице.

Но тут Наполеон совершил одну из множества ошибок своей политической стратегии. При всех своих несомненных военных и хозяйственных талантах он отродясь не бывал

¹ Авторы знают: из всех европейских народов отчество используют только русские, болгары да исландцы. Тем не менее мы не видим причин отказывать иностранцам в обращении, у нас принято как уважительное. Поэтому в книге указаны все отчества, какие мы смогли отыскать, независимо от происхождения их носителей.

² Стратегический талант он проявил не в военной сфере, а в государственном управлении. По сей день Франция живёт по Гражданскому кодексу, разработанному при его непосредственном активном участии (он не только организовал разработку кодекса и повседневно следил за ней, но и собственноручно написал изрядную часть текста). Кодекс претерпел за два века лишь немногочисленные уточнения: в него удалось вписать даже качественные изменения общественных интересов.

³ Современные исследователи полагают исход такого сражения при прочих равных условиях неопределённым с примерно равными шансами обеих сторон. Боевые приёмы Суворова, отточенные в основном сражениями с турецкой армией, нуждались в изрядном осовременивании для столкновения с французскими войсками, опирающимися при Наполеоне, начавшем военную карьеру в качестве артиллериста, прежде всего на массированное применение артиллерии.

дипломатом. И по дороге в Египет в 1798-м захватил остров Мальта. Просто потому, что ему был необходим промежуточный опорный пункт на пути снабжения экспедиционного корпуса. Но изгнанные оттуда рыцари обратились за поддержкой к императору Павлу, уже заслужившему репутацию последнего рыцаря Европы. Захват Мальты, дотоле ничем не угрожавшей Франции, Павел счёл деянием неблагородным и заслуживающим наказания. Он тут же вошёл в антифранцузскую коалицию и направил опального (за близость к императрице Екатерине и неприязнь к павловским реформам вооружённых сил в прусском стиле) Суворова защищать Италию от французов. Вскоре боевые действия перешли на территорию Швейцарии.

Здесь наложились друг на друга сразу несколько сюжетов.

Гений Суворова, отточенный десятилетиями сражений в причерноморских степях (с эпизодическими боями на северо-востоке Европы), совершенно не был отшлифован условиями серьёзно пересечённой местности. Суворов спланировал швейцарскую кампанию в том же стиле, какой принёс ему бесчисленные победы в кампаниях против Турции. Между тем особенности движения в горах совершенно иные. Там одинаковые расстояния требуют иной раз времени, различающегося во многие разы. Синхронизация движения двух русских и двух австрийских отрядов нарушилась, и французы получили возможность бить их по частям. Если бы австрийцы заранее предупредили Суворова об этой особенности прекрасного изученного ими театра военных действий или хотя бы обеспечили войскам надлежащее снабжение и организовали точки промежуточных стоянок для новой синхронизации маршей, осложнений не возникло бы. Но союзники самоустранились и от снабжения, и от планирования. Ошибка Суворова, не исправленная вовремя, стала роковой. Правда, ему удалось вывести из Швейцарии неожиданно большую долю войск. Преследовавший его генерал (и будущий наполеоновский маршал) Массена говорил, что отдал бы все свои победы за такое отступление. Тем не менее провал был налицо – и налицо была вина союзников: и за саму идею переброски русских войск в Швейцарию для замены уходящих австрийцев, и за дезорганизацию похода. Австрийцы поступили абсолютно непорядочно и в политическом, и в военном смысле.

Одновременно предали англичане. После ухода Суворова они стремительно вытеснили русских из Италии – прежде всего руками своих южноитальянских союзников. Решающую роль тут сыграли легендарный адмирал Хорацио Эдмундович Нелсон и его любовница Эми Лайон (по мужу – Хэмилтон). Они обрели непререкаемое влияние на короля Неаполя и обеих Сицилий (леди Хэмилтон, по слухам, даже стала по совместительству любовницей королевы) и добились резкого поворота Италии в сторону от России, фактически спасшей Италию от полной французской оккупации.

Наконец, те же англичане в 1800-м захватили Мальту – но не восстановили её независимый статус и не отдали Павлу, бывшему уже гроссмейстером Мальтийского рыцарского ордена, а оставили в своём владении. Остров обрёл независимость только в 1964-м – на исходе распада Британской империи.

Словом, у Павла накопилось множество поводов к новому сближению с Наполеоном. Но кроме поводов были и причины.

Главная причина – промышленная революция. К тому времени она только начиналась, и её плодами успела воспользоваться только Англия. Российская (и французская) промышленность ещё пребывала на предыдущем эволюционном витке и заведомо проигрывала в конкуренции с английской. Для её совершенствования требовались немалые капиталовложения, а кто же по доброй воле вложится в явно невыигрышное дело? Ещё тогда многие инстинктивно понимали то, что лишь во второй половине XIX века внятно сформулировал Даниэль Фридрих Йоханнович Лист: развитие новых отраслей и технологий требует временной самоизоляции рынка от внешних конкурентов. Наполеон лишь через несколько

лет установил полную блокаду европейского континента от английских товаров – но первые намёки на неё уже просматривались. Да и опыт Жана-Батиста Николаевича Кольбера, создавшего при Короле-Солнце первое поколение французской крупной промышленности, ещё не забылся.

После Трафальгарской битвы (21-го октября 1805-го года) Наполеон уже не смог бороться с Британией на море, где Англия стала почти единственной владычицей. Но торговлю английскими товарами можно было блокировать на суше – это подорвало бы экономику Британии.

Идея экономической блокады Великобритании родилась во времена французского Конвента. В 1793-м году Комитет общественного спасения запретил ввозить во Францию многие фабричные изделия – конечно, изготовленные в Англии. Разрешалось ввозить фабрикаты только из дружественных Франции государств. Нейтральные государства начали жаловаться на «права», которые Англия присвоила себе на море благодаря собственному перевесу. В 1798-м англичане разрешили нейтральным судам ввозить продукцию враждебной страны в Британию и в их отечественные порты, и ещё подтвердили это правило в 1803-м, но этого было мало – и англичанам, и Наполеону. Англичан не устраивала оживлённая американская торговля: американские суда ввозили в английские порты товар из французских и испанских колоний Вест-Индии. Тем более, что американцы вскоре превысили свои права, начав ввозить во Францию и Голландию товары из колоний этих стран.

Король Великобритании Георг III 16-го мая 1806-го подписал указ: Англия объявляла блокаду всех портов Европы, всех берегов и рек на всём пространстве от Эльбы до Бреста. На практике было блокировано только пространство между устьем Сены (порты Гавр и Онфлёр) и портом Остенде. В порты между этими двумя пунктами не имели права заходить никакие нейтральные суда. Корабль, захваченный при попытке зайти туда, признавался законной добычей англичан. Однако нейтральные суда могли свободно входить в указанные порты и выходить из них, если они «не грузились в каком-либо порту, принадлежащем врагам Его величества, или не следовали прямо в какой-либо из принадлежащих врагам Его величества портов». В тексте указа старательно не уточнялся вопрос происхождения грузов.

Наполеон этого допустить никак не мог. Сославшись на то, что Англия нарушает признанное всеми цивилизованными народами международное право, 21-го ноября 1806-го – после разгрома прусской армии французами, – Наполеон подписал Берлинский декрет о континентальной блокаде, благо к тому моменту контролировал всю береговую линию Европы. Декрет запрещал торговые, почтовые и иные отношения с Британскими островами; эту политику должны были поддерживать все подвластные Франции, зависимые от неё или союзные ей страны. Любой англичанин, обнаруженный на этих территориях, становился военнопленным; корабли отходили французам, товары, принадлежащие британцам, конфисковывались. Ни одно судно, следующее из Англии или её колоний или заходившее в их порты, не допускалось во французские порты.

Великобритания в ответ широко развернула торговую войну на море. Процветала контрабандная торговля. «Королевские приказы» 1807-го года запретили нейтральным государствам торговать с враждебными странами и принуждали корабли нейтральных стран заходить в британские порты – платить налоги и пошлины Англии.

В конце 1807-го года Наполеон подписал так называемые «миланские декреты», по которым всякий корабль, подчинившийся распоряжениям английского правительства, приравнивался к вражеским судам и подлежал захвату. А 18-го октября 1810-го издал указ, по которому все британские товары, обнаруженные на твёрдой земле, должны быть сожжены.

Континентальная блокада способствовала интенсификации отдельных отраслей промышленности (главным образом металлургической и обрабатывающей) но подорвала экономику тех европейских стран, что были традиционно связаны с Великобританией. Конечно,

они непрерывно нарушали указы Наполеона. Главная задача блокады, поставленная Наполеоном, – сокрушение Великобритании – оказалась невыполненной. Чем сильнее Наполеон закручивал гайки, тем больше росло внутреннее сопротивление на вроде бы подвластных ему территориях.

Кстати, в разгар континентальной блокады число промышленных предприятий в России выросло на треть. И примерно на столько же выросло производство на уже существующих. Для России в целом противостояние Англии было выгодно. К сожалению, оно оказалось невыгодно для тогдашнего правящего класса: Англия, в отличие от Франции, остро нуждалась в российском сырье и сельскохозяйственной продукции, а сами дворяне с удовольствием покупали английские промышленные товары, считая местную продукцию заведомо недостойной просвещённого внимания⁴. Поэтому при Александре Россия саботировала блокаду, что и стало главной причиной наполеоновского вторжения 1812-го года. Павел, относившийся к своим дворянам довольно жёстко, вряд ли допустил бы такое развитие событий. Приведём обширную цитату К. Военского:

«В начале XIX в. единственным сословием, имевшим политическое значение, было дворянство, желанию которого и вынужден был уступить Александр, порвавший перед лицом дворянской фронды союз с Наполеоном, во всех отношениях выгодный для России.

Цель Наполеона отнюдь не ограничивалась интересами одной Франции. Он хотел освободить континент от экономической зависимости Англии и тем положить основание самобытному развитию промышленности Европы. Он называл Англию «великим ростовщиком мира» (*le grand usurier du monde*) и считал себя апостолом великой борьбы за экономическое освобождение Европы.

Насколько верны были его расчёты, свидетельствуют цифры, касающиеся числа фабрик и заводов в России. В 1804 г. число фабрик было 2423, через десять лет – 3731, т. е. возросло на целую треть. Количество рабочих в 1804 г. – 95 202, в 1814 г. – 169 530. Более всего развилась промышленность бумаго-ткацкая, затем железо-чугунная.

Совершенно без изменения остались отрасли, изготавливающие предметы роскоши.

Главную причину неудачи континентальной системы следует искать в экономической отсталости Европы, которая ещё не вышла из земледельческого периода, тогда как Англия давно уже перешла к капиталистическому производству. Европа сбывала сырьё Англии, а от неё получала всевозможные изделия.

Через 10–15 лет Европа приспособилась бы и развила внутри себя обрабатывающую промышленность, но Англия ценою огромных жертв, рискуя полным банкротством, напрягла все силы страны для борьбы с могущественным и гениальным врагом своим – Наполеоном, и он пал, сломленный невозможностью добиться в Европе единства политики, требовавшей жертв в настоящем, но сулившей неисчислимые выгоды в будущем.

Англия победила. За нею осталось мировое владычество над морями и в цепких руках её снова сосредоточилась вся внешняя торговля Европы, которая терпела денежную зависимость от островной державы, а нередко должна была считаться с её желаниями и в международной политике на континенте.

Выгоды этой политической конъюнктуры впоследствии испытала на себе тогдашняя союзница Англии – Россия: в эпоху Севастополя, в кампанию 1877–1878 гг. и в последнюю русско-японскую войну»⁵.

⁴ Как мало с тех пор изменилось! В нынешней России сырьевой бизнес тоже остаётся главным препятствием и к развитию промышленности, и к ведению самостоятельной внутренней и внешней политики.

⁵ «Отечественная война и Русское общество» 1812–1912. Т. 1 Издание Т-ва И. Д. Сытина, Москва. 1911.

Это чрезвычайно важный момент. Стратегическая ошибка 1812-го года аукнулась не только в Крымской войне 1853—6-го годов, но в последующем поражении России от стремительно модернизированной Японии в 1904—5-м году. В свою очередь, это поражение в русско-японской войне вкупе с бездарным вступлением и ведением Первой Мировой обрекло Россию на море крови в последующие годы.

Здесь важно также отметить отношение Англии к России. В ту пору бытовала шутка: англичане так ненавидят французов, что готовы воевать с ними до последнего русского солдата. Это – лишь одно из множества проявлений английской стратегии, абсолютно аморальной с нашей точки зрения, но неизбежной на их взгляд.

Когда Столетняя война завершилась изгнанием англичан из Франции, они поняли: не может один маленький остров силой контролировать весь континент. Между тем в народной памяти ещё были живы многократные завоевания острова пришельцами с континента. Последнее успешное вторжение – офранцузенных норвежцев во главе с Вильгельмом Нормандским – состоялось в 1066-м, и Англией в годы Столетней войны всё ещё правили прямые потомки Вильгельма и его ближайших сподвижников. Англичане пришли к выводу: единственный способ предотвратить дальнейшие атаки с континента – добиться, чтобы на самом континенте постоянно присутствовали 2–3 примерно равные силы, грызущиеся между собою как раз вследствие примерного равенства и поэтому не задумывающиеся о действиях против Англии. С английской точки зрения поддержка такой беспрестанной грызни вполне оправдана, а потому моральных препятствий они не ощущают.

Для нас же подобное поведение совершенно аморально прежде всего потому, что в нашей истории практически не случалось условий, благоприятствующих ему. Врагов у нас всегда было очень много. Располагались они в основном по периметру нашей страны, так что точек соприкосновения между собою у них было куда меньше, чем с нами – значит, и организовать значимые интриги между ними мы не могли, ибо друг от друга они могли оторвать меньше, чем от нас. Наконец, едва ли не каждый враг по отдельности оказывался куда слабее, чем наша страна, а потому можно было усмирять их по отдельности. Когда князь Святослав сообщал очередному противнику «Иду на вы», это было не только благородным жестом, но ещё и напоминанием: он располагает такой силой, с какой лучше не спорить.

Словом, Павел резко повернулся от Англии к Франции. Даже начал подготовку грандиозного стратегического манёвра – вторжения в Индию, где к тому времени английское владычество было ещё недолгим, но уже неприятным. Поход русских казаков, усиленных французами (их англичане изгнали из Индии несколькими десятилетиями ранее, так что на фоне английской безжалостности французское правление успело стать предметом радужных легенд), мог сокрушить главное звено колониальной империи.

Англия ответила по обыкновению – исподтишка. В числе главных деятелей дворянского заговора, завершившегося убийством Павла – тогдашний английский посол в России. По намёкам мемуаристов, он пообещал заговорщикам на случай неудачи убежище на острове: традиция невыдачи из Лондона беглецов к тому времени уже устоялась, да и по сей день нерушима.

Российским императором стал Александр I, что радикально изменило политический курс страны.

В войнах 1806-го и 1807-го годов Россия помогала Пруссии, сражавшейся с Наполеоном. Именно тогда проявился стратегический гений Кутузова: в преддверии битвы при Аустерлице. Тогдашний король Пруссии Фридрих Вильгельм III хитрил и тянул с вступлением в антифранцузскую коалицию. Ни Александр I, ни явно недалёкий австрийский император Франц I не усмотрели в этом сколько-нибудь значимой угрозы – они полагали собственные силы более чем достаточными для разгрома Франции. А вот Кутузов счёл необходимой концентрацию всех возможных сил. Он настаивал либо на немедленном присоединении Пруссии к союзникам, либо на затяжке войны – благо на зиму можно было отступить в чешские горы.

Но Александра и Франца поддерживали самонадеянные теоретики. У нас – очередной князь Долгорукий, у австрийцев – генерал Вейротер. Наполеон же изобразил истощение своей армии. Он вроде бы уклонялся от соприкосновения с союзниками. Тем самым он выманил их на прямое столкновение, где был непобедим. Кутузов мог переиграть его только на высших уровнях стратегии, вне прямого контакта противников. Но монархи – его собственный и союзный – не дали ему проявить свои сильные стороны, подставив его под сильные стороны французского полководца.

Манёвры Наполеона оказались очередным воплощением древнего принципа «разделяй и властвуй». Прежде всего он при Аустерлице разбил австрийские и русские войска. Затем, когда Пруссия всё же вступила в войну, разгромил её за несколько месяцев. Наконец он навязал России договор, включающий её в систему континентальной блокады вопреки воле её дворян: Наполеон и Александр заключил и Тильзитский мир. Это соглашение привязало Россию (а заодно и Пруссию) к Франции; русские присоединились к экономической блокаде Англии. В 1809-м году блокаду поддержала и Австрия.

Наполеон продолжил создавать единую Европу в пику Англии (с явным преобладанием самой Франции – но и другие страны обрели немалые дополнительные возможности прогресса). Но Россия уже не могла участвовать в этом единстве. Даже если сам Александр предпочёл бы промышленное развитие России роли сырьевого и полуфабрикатного придатка – он не рисковал противостоять единству английских интриганов и собственных дворян, ибо знал, чем это завершилось для его отца. Столкновения с Францией оказались неизбежны – и понадобилась выработка новой военной стратегии. Хотя в смысле экономическом и политическом стратегия союза с Англией против Франции была заведомо проигрышна.

Это, кстати, понимали не многие даже из умнейших люди в самой России. В частности, Кутузов восхищался Наполеоном не столько как военным, сколько как государственным деятелем. Он даже после вторжения Наполеона рассчитывал заключить с ним перемирие на условиях восстановления довоенного положения. Кутузов видел, из какой экономической и

политической трясины Наполеон вытащил Францию. И был уверен: России нужны схожие меры.

Но ещё находясь в фарватере французской политики, в 1808-м году Россия объявила войну Англии. Александр I предложил Швеции примкнуть к антианглийской коалиции. Король Швеции Густав IV отказался, вернув при этом ранее полученный орден святого апостола Андрея Первозванного – и объяснил, что не хочет носить награду, которой русский император одарил «узурпатора» Наполеона в Тильзите. В ответ Александр I вторгся на территорию Финляндии, тогда фактически принадлежащей шведам.

Поначалу война складывалась удачно для России: к маю 1808-го года русские войска заняли город Або, тогдашнюю столицу Финляндии. Но вскоре ситуация стала меняться: армии, растянутой по огромной территории, стало не хватать продовольствия и боеприпасов; шведам же, напротив, удалось сконцентрироваться и ударять по русским точно и успешно.

Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли – в то время генерал-лейтенанту и начальнику 6-й пехотной дивизии – приказали во главе экспедиционного корпуса выступить из России в Финляндию. В июне 1808-го он занял Куопио и успешно сопротивлялся штурму города. Однако вскоре Барклаю из-за болезни пришлось вернуться в Санкт-Петербург. Здесь его привлекли к работе Военного совета, куда входил Александр I и его приближённые.

В декабре 1808-го Барклай составил – и предложил государю – план переброски войск в Швецию зимой по льду Ботнического залива. Операция могла совершенно изменить ход войны. Император и Военный совет одобрили предложение. Наши военачальники подготовили три пехотных корпуса – их возглавили Пётр Иванович Багратион, Павел Андреевич Шувалов и сам Барклай. Корпусу Барклая предстоял стокилометровый путь по льду залива – от города Васа до Умео. В марте 1809-го солдаты прошли по ледяным торосам сквозь снежную пургу и разгромили противника. Шведы ушли из Умео. Исход войны был переопределён. Только тогда Швеция убедилась, что не защищена от России ни в какое время года, и решила больше с Россией не воевать. Кстати, для Швеции это решение оказалось стратегически невероятно выигрышным.

Нынешние историки изрядно ругают Александра за то, что тот, окончательно отобрав Финляндию у Швеции, даровал ей широчайшие права. Фактически Финляндию не связывало с Россией ничто, кроме единого монарха обоих престолов – великого князя финляндского и императора российского. Впоследствии это создало множество правовых осложнений, а ими потом воспользовались как почвой для политического раскола. Но в тот момент действовать иначе – означало создать очаг недовольства в завоёванной провинции. Не завоёвывать же её было нельзя: без окончательно занятия Финляндии невозможно предотвратить дальнейшее вторжение шведов. В свете тогдашних политических обстоятельств это было, бесспорно, разумное и оправданное решение, даже при том, что оно впоследствии обернулось конфликтом с финнами. Но такой ценой был снят более опасный для России конфликт со шведами. Это был смелый шаг. Считают, что Сперанский подтолкнул к этому Александра I. Это был блестящий креативный ход, невиданный доселе в российской истории, но стратегически верный. Этот шаг вкупе с тонкой политикой в отношении Бернадота – в то время наследного принца – обеспечивал безопасность Петербурга – сердца Российской империи.

«Бернадот, как человек очень умный, – писал Корф – с первого дня своего пребывания в Швеции, назвав себя «настоящим гражданином Севера», хорошо оценил существовавшее там положение вещей, т. е., с одной стороны, великое значение для Швеции союза с Англией, а с другой – возможность залечить «финляндскую рану» приобретением Норвегии...

Наполеон, между тем, всё ещё находился под влиянием ошибочного расчёта, что стоит ему захотеть и Швеция, как один человек, поднимется против России для обратного завоевания Финляндии; он знал о существовании шведской партии, ещё жившей надеждой на возвращение Финляндии, но сильно ошибался в оценке её значения; другой ошибкой его были расчёты, положенные на Бернадота; последний, впрочем, «клялся» и французскому уполномоченному в Стокгольме, что закроет шведские порты для английских товаров, и даже намекал на возможность действий против России; и всё это происходило одновременно с секретными переговорами с Чернышёвым! Для Бернадота это было, однако, только политической диверсией, обманувшей Наполеона. Наследный принц строил свои планы в другом направлении; все его расчёты были основаны на приобретении Норвегии, в чём, он уверен был, поможет ему Александр...

Александр вернулся в Петербург вполне довольный результатами своего путешествия; он имел действительно полное право быть удовлетворённым; **плоды его северной политики были уже налицо**; свидание в Або и последнее путешествие по Финляндии поставили точку над этой политикой. Финляндцы были друзьями России, Швеция же – союзницей. **Александр справедливо мог гордиться результатами своего дела, Россия же должна быть благодарна ему за неё; она является одной из светлых страничек этого царствования».**

За успешные боевые действия Багратиона и Барклая произвели в генералы от инфантерии. Барклая удостоили ордена святого благоверного князя Александра Невского и поставили Главнокомандующим Русской армией в Финляндии и генерал-губернатором Финляндии.

Он был прекрасным организатором и держал в порядке как армию в частности, так и присоединённые территории вообще. И опыт управления сложным и большим регионом, где никто не хотел подчиняться русским, оказался очень важным для дальнейшей карьеры Барклая.

Меж тем отношения между Россией и Францией снова изменились.

В том же 1808-м году от имени Наполеона император Александр I получил предложение о браке Наполеона с его сестрой, великой княжной Екатериной Павловной – и не дал своего согласия. В 1810-м Наполеон посватался к другой сестре Александра, четырнадцатилетней великой княжне Анне Павловне – впоследствии королеве Нидерландов – и снова получил отказ. После этого Александр I подписал положение о нейтральной торговле, фактически сводившее на нет континентальную блокаду. В 1810-м Наполеон женился на Марии-Луизе Австрийской, дочери императора Австрии Франца I. По мнению известного историка Евгения Викторовича Тарле, «австрийский брак» для Наполеона «был крупнейшим обеспечением тыла, в случае, если придётся снова воевать с Россией».

В 1810-м году Барклая назначили военным министром.

Барклай де Толли остро чувствовал приближение войны с Наполеоном. Как пишет Е.В. Тарле, в дипломатических кругах того времени всюду говорили о вторжении французов на русские территории. Наполеон ускорял свою политику «движущейся границы», декретами присоединял к своей империи новые и новые страны, приближался к территории России. Времени оставалось немного, и Барклай начал преобразовывать армию. Он велел строить оборонительные сооружения на западных рубежах России, передислоцировал войска, набирал новых солдат – армия выросла почти вдвое. Военное министерство тоже было реорганизовано. За свои заслуги Барклай в сентябре 1811-го года был награждён орденом святого равноапостольного князя Владимира 1-й степени.

Целых два великих русских стратега – Кутузов и Барклай де Толли – начали побеждать Наполеона задолго до того, как он вторгся в Россию.

Екатерина Великая, значительно превосходящая по интеллекту всех своих потомков, заметила именно стратегический талант Кутузова. И направила его в помощь Суворову, не любившему дипломатии как раз в силу блистательности своего военного дарования. Кутузов в высшей степени успешно вёл переговоры и с крымскими татарами, и с их турецким сюзереном. Он политически обустроил Крым, завоёванный открытой русской силой. Кстати, через два с лишним века России вновь понадобилось подобное обустройство – на сей раз в Чечне – и первые результаты всё ещё остаются предметом жестоких споров.

Александр, естественно, не любил Кутузова и за точность его предсказания хода Аустерлицкого сражения (где сам Кутузов оказался вынужден следовать прямым приказам императора – и приказы оказались проигрышны), и за его популярность в войсках и народе. Но ему пришлось использовать талант Кутузова на юге: там Прозоровский и затем Каменский вели очередную войну с Турцией так бездарно, что могли вовсе проиграть. Между тем вторжение Наполеона уже назрело и могло произойти со дня на день. Нужно было срочно высвободить дунайскую армию России. Вдобавок Наполеон вёл с турками переговоры о коалиции. Был возможен двойной удар: турки – с юга, французы – с запада. Кутузов должен был принудить агрессора к миру так быстро и убедительно, чтобы исключить всякое желание реванша. Вдобавок и Турция в целом, и молдавский театр боевых действий были насыщены французскими шпионами. Наполеон располагал громадным потоком сведений – но Кутузов из сравнительно скромного потока своих данных извлекал куда больше Наполеона. Заодно он обеспечил сохранение живой силы – например, проигнорировал начисто оторванный от реальности рескрипт Александра об одновременном ударе по Царьграду с моря и суши. Зато тактические поражения туркам он наносил непрерывно – параллельно переговорам. В конце концов он убедил турок: если они не подпишут мирный договор, то Россия всё равно будет бить их параллельно с возможным вторжением Наполеона; если даже Наполеон разгромит Россию, то дальнейшая экспансия вынудит его самого бить турок; если же Александр и Наполеон заключат мир, Турция и подавно будет принесена в жертву. Убедившись в отсутствии выигрышных для себя вариантов, турки заключили мир и в ходе наполеоновского вторжения остались нейтральны.

Многие в России ожидали много более выгодных для России условий мира с турками. Кутузов выжал из турок далеко не всё. Но выжимать пришлось бы долго, упорно, и не исключено, что боевые действия могли бы ещё и возобновиться; русские победили бы, но растратили бы драгоценные силы и время. А столкновение с Наполеоном неумолимо приближалось. Поэтому Кутузов делал ставку на максимально скорое выключение потенциального союзника французов в будущей войне.

Это и есть стратегия, где Михаил Илларионович двумя руками – военной и дипломатической – начал ковать победу над Наполеоном ещё до начала войны с ним. Барклай же исключил из будущей войны Швецию и Финляндию. Два великих стратега выключали фланговые угрозы потенциальных союзников Наполеона. В итоге Наполеону пришлось двигаться по самому предсказуемому и давно уже самому защищённому пути. Стратегически сам выбор маршрута был заведомо худшим, но единственно возможным.

Между делом заметим: все российские пространства делали с завоевателем то же, что и многолюдность Китая. Последний переваривал противника своей численностью, а Россия – пространствами.

Именно Барклай определил основную стратегическую идею борьбы с Наполеоном. Он считал: когда французы перейдут границу, русским следует уклоняться от генерального приграничного сражения. А вместо этого: истощать силы французов короткими стычками с лёгкими войсками; перерезать линии снабжения войск противника, растягивая его коммуникации; активно отступать, пока не прибудут резервы, способные резко изменить расстановку сил.

Так скифы измотали персидского царя Дария I, выступившего против них в 513-м году. Современник Барклай и других героев войны 1812-го года, князь Голицын Николай Сергеевич (1809–1892), крупный военный историк, генерал от инфантерии, в своём труде⁶ так описывал ход войны скифов и персов⁷:

«Геродот изображает скифов «народом диким и свирепым», а все прочие древние писатели – народом многочисленным, воинственным, отменно храбрым, славившимся искусством в наездничестве и меткою стрельбою из луков. Войска их состояли почти исключительно из конницы, лёгкой, живой и проворной. Войны их заключались в быстрых, стремительных, набегах и действиях малой войны. Разграбив и разорив земли неприятельские, они столь же быстро возвращались в глубину своих обширных степей. В настоящем случае действия их против Дария были особенно замечательны. По мере движения Дария во внутренность их страны, они постоянно уклонялись от него с фронта, но беспрестанно тревожили его с флангов и тыла, разоряя край и засыпая колодцы и ключи на пути следования персов. Но при этом они не разоряли края совершенно, дабы тем не принудить персов слишком скоро к отступлению, а оставляли часть произведений земли и запасов для того, чтобы завлечь персов далее во внутренность страны и тем более ослабить, утомить и легче одолеть их. Сверх того, дабы развлекать⁸ внимание и силы персов и оставлять последних в неизвестности о том, где именно находились их главные силы, они разделялись обыкновенно на три части и отступали в трёх различных направлениях, с фронта и обоих флангов, равно и в те части страны, жители которых не хотели или ещё не решались за одно с ними действовать против персов, и таким образом и их также против воли принуждали вооружаться на защиту земель своих.

Следствием такого рода действий их было то, что Дарий никогда не мог настигнуть их, не знал, где находятся главные их силы, и тщетно надеялся принудить их к бою, а войско его утомилось, терпело крайний недостаток в продовольствии, понесло большой урон, и наконец Дарий был принуждён искать спасения в отступлении к Истру. Тогда скифы окружили его войско, начали его тревожить беспрестанными и сильными нападениями со всех сторон и едва не отрезали ему отступления чрез Истр.

Пробыв в скифской пустыне более 70 дней, Дарий потерял в продолжение этого времени до 80 000 человек.

Поход против скифов едва не кончился совершенною гибелью персидского войска во-первых, потому, что Дарий предпринял его не зная ни скифов, ни страны их, и не разведав о них заблаговременно, и не принял необходимых мере предосторожности касательно продовольствования своего войска и обеспечения его сообщений, а в особенности – вследствие искусных действий скифов, действительно заслуживающих особенного внимания».

Именно скифам наследуют Барклай и Кутузов.

В марте 1812-го года Барклаю приказали сдать Военное Министерство своему заместителю Алексею Ивановичу Горчакову и возглавить 1-ю Западную армию – крупнейшее из русских военных подразделений.

Известный русский историк, политик и исследователь Сергей Петрович Мельгунов говорит о русском обществе того времени вещи страшные и беспощадные: «прежде всего было забыто мудрое правило, что «войну надо начинать с брюха». Престарелый фельдмаршал Каменский, не найдя «ни боевых, ни съестных припасов, ни госпиталей» в отчаянии даже покинул армию – таким безотрадным казалось ему положение вещей. Интендантские хищения, о которых рассказывает декабрист князь С[ергей] Григорьевич Волконский, сам

⁶ Всеобщая военная история древних времён, «Поход Дария Гистаспа против скифов (513 г.)».

⁷ А нам интересно прежде всего понимание современниками аналогичных действий Барклая.

⁸ В смысле «рассеивать и отвлекать».

участник многих боевых действий, приводили к тому, что в армии отсутствовало продовольствие, люди ходили босыми». Но солдаты оставались мужественными бойцами даже в таких условиях.

«Русская армия с самого начала войны с Наполеоном была центром бесконечных интриг, соперничества, зависти и борьбы оскорблённого самолюбия. В этом, кажется, нет сомнений; это единодушное показание всех современников», – пишет Мельгунов. Вот что он говорит о главнокомандующем:

«Барклай был человеком дела. Он не разделял ни придворных вкусов, ни интересов тогдашней военщины. Образованный сам, он старался внушить подчиненным офицерам, что военное искусство – это не только «изучение одного фронтового мастерства». Он боролся против господствовавшей тенденции «всю науку, дисциплину и воинский порядок основывать на телесном и жестоком наказании» (знаменитый циркуляр военного министра 1810 г.). И этим страшно злил Аракчеева, который укорял Барклая в малейших его погрешностях. Неожидаемому возвышению Барклая завидовали, а он, «холодный в обращении», замкнутый в себе, «неловкий у двора», не думал снискивать к себе расположения «людей близких государю». Барклай не был царедворцем и по внешности. Вот как рисует его Фонвизин: «со своей холодной и скромной наружностью (Барклай), был невзрачный немец с перебитыми в сражениях рукой и ногой, что придавало его движениям какую-то неловкость и принуждённость»...

Уже до войны 1812-го года Барклаю завидовали и ненавидели его. Но надо отдать должное императору Александру, который ценил своего военного министра и доверял ему: «Вы развязаны во всех ваших действиях», писал он 30 июля 1812 г. И Барклай сознательно шёл к поставленной цели, проявляя свою обычную работоспособность, показывая «большое присутствие духа» и «мудрую предусмотрительность» (Фонвизин)».

Наполеон собрал шестисоттысячное войско, куда привлёк армии всех покоренных стран, включая большой корпус польских добровольцев. Причём глава этого корпуса Понятовский доблестно утонул на глазах Наполеона в первый день войны, кинувшись вплавь на коне. Это было типично по-польски: эффектный шаг, даже в тактическом отношении – не говоря уж о стратегическом – проигрышный. Тем не менее польские корпуса сражались очень достойно, в том числе и в жаркой во всех отношениях Испании.

Кстати, об Испании. Тамешние партизанские бои изрядно потрепали армию Наполеона. Англичане успешно поддерживали партизанскую войну. Благо, Англия располагала на Иберийском полуострове мощнейшей базой – Португалией: та с очень давних пор была британской союзницей по многим накопившимся историческим причинам. Англичане высадили в Португалии довольно большую армию. Поэтому французы не могли использовать все свои силы в этом регионе для уничтожения партизан: значительную группировку надо было держать и против регулярных войск. Кстати, именно линия фронта между Испанией и Португалией получила название, впоследствии неоднократно использованное в англо-американской литературе о войне – тонкая красная линия: англичане тогда носили красные мундиры, и группировка у них в тот момент была линейная.

Итак, Наполеону пришлось снять и польский корпус, и более боеспособные корпуса в Испании – он направил боеспособную армию в Россию. И ещё более осложнил своё положение в Испании.

Утром 12-го июня 1812-го года наполеоновские войска переправились через Неман, фактически начав войну. Русские войска в тот момент были расположены очень неудачно. Три армии находились одна в ста, другая – в двухста километрах от третьей, и у них не было единого управления. 1-я и 2-я Западные армии, тяжело отбиваясь от противника, отступили вглубь страны, стараясь при этом объединиться. Наполеон всячески мешал этому. Сумев вывести свои войска из-под удара противника, многократно превосходящего русских по

силам, Барклай и Багратион соединили армии в Смоленске. Барклай де Толли как военный министр возглавил объединенную армию, однако не стал оборонять Смоленск до конца, на чём настаивало большинство генералов. Он считал: время решающего сражения ещё не пришло. Русские вооружённые силы продолжали отступление, изматывая противника в непрерывных столкновениях.

Находясь в Смоленске, Барклай подписал несколько воззваний, призывающих все слои населения браться за оружие, создавая партизанские отряды для борьбы в тылу врага. По его приказу создан один из первых военно-партизанских отрядов во главе с бароном Фердинандом Фёдоровичем Винцингероде для борьбы с противником на Петербургской дороге. Ошибочно мнение, приписывающее идею партизанской войны кому-то иному. «Иноземец» Барклай был первым из высших генералов, кто о том позаботился. Кстати ещё в 1808-м году во время русско-шведской войны Барклай во время продвижения со своим корпусом в финскую провинцию Саволак встретил мощный отпор со стороны хорошо организованных партизанских соединений. Руководил партизанским движением полковник Юхан Август Самуэлевич Сандельс (в дальнейшем – генерал-фельдмаршал и наместник Норвегии), применяя как военные знания, так и чрезвычайно выгодные условия местности. Именно тогда Михаил Богданович воочию убедился в эффективности партизанской войны.

Идею такой войны развивал и один из ближайших помощников Барклая – один из руководителей русской разведки (в дальнейшем – военный писатель и переводчик) генерал Пётр Андреевич Чуйкевич (1783–1831). Барклай обратил на него внимание, как только стал военным министром – он искал молодых грамотных офицеров, способных к аналитическому мышлению. Министр лично предложил отставному капитану должность в возглавляемом им ведомстве.

В 1810-м году Чуйкевич поступил в Секретную экспедицию Военного министерства. Барклай создал её для общего руководства разведывательной деятельностью против главного противника России – империи Наполеона. В архивах военного ведомства сохранилось много документов, составленных Чуйкевичем. Он готовил списки лиц, подозреваемых в шпионаже, направлял агентуру за границу, получал и обрабатывал разведывательные данные со всех концов Европы, писал аналитические записки, делал предложения об «учреждении шпионств» в различных пунктах, рассылал маршруты для передвижения воинскими частям на западной границе. Деятельностью разведчика, видимо, были довольны. 15-го сентября 1811-го Чуйкевич получил чин подполковника.

В начале января 1812-го ему поручили составить «дислокационную карту» наполеоновских сил в Германии. По этой карте военный министр и император следили за передвижениями французских корпусов.

Весной 1812-го Чуйкевич отправился вместе с Барклаем де Толли в г. Вильно. 2-го апреля подал своему начальнику докладную с соображениями о действиях, которые надо предпринять в случае вторжения в Россию Наполеона⁹. Параграф 8 докладной гласил:

«§ 8.

Род войны, который должно вести против Наполеона.

Оборонительная война есть мера необходимости для России. Главнейшее правило в войне такого рода состоит: предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает.

⁹ Чуйкевич П. А. Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией и предложение средств воздвигнуть в Германии Инсurreкцию посредством вооружённой Экспедиции // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII — XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1996. – С. 44–53. – [Т.] VII.

Наполеон, имея все способы к начатию и продолжению наступательной войны, ищет Генеральных баталлий; нам должно избегать генеральных сражений до базиса наших продовольствий. Он часто предпринимает дела свои и движения на удачу и не жалеет людей; нам должно щадить их для важных случаев, соображать свои действия с осторожностью и оставаться на верном.

Обыкновенный образ нынешней войны Наполеону известен совершенно и стоил всем народам весьма дорого.

Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он ещё не привык, и успехи свои основывать на свойственной ему нетерпеливости от продолжающейся войны, которая вовлечёт его в ошибки, коими должно без упущения времени воспользоваться, и тогда оборонительную войну переменить в наступательную.

Уклонение от Генеральных сражений; партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускания до фуражировки и решительность в продолжении войны: суть меры, для Наполеона новые, для французов утомительные и союзникам их нестерпимые.

Быть может, что Россия в первую кампанию оставит Наполеону большое пространство земли; но дав одно Генеральное сражение с свежими и превосходными силами против его утомлённых и уменьшающихся по мере вступления внутрь наших владений, можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомительное, на что мы имеем перед ним важное преимущество в числе и доброте нашей конницы¹⁰.

Неудачи Наполеона посреди наших владений будут сигналом к всеобщему возмущению народов в Германии и ожидающих с нетерпением сей минуты к избавлению своему от рабства, которое им несносно.

Из всего вышесказанного выводятся следующие правила:

1-е. Уклоняться до удобного случая с главною силою от Генерального сражения.

2-е. Не упускать случая, коль скоро Наполеон отделит где-либо часть своих войск, сосредоточить против них превосходнейшее число своих и истребить сию часть прежде, нежели он подаст ей помощь.

3-е. Безпрестанно развлекать внимание неприятеля, посылая сильные партии иррегулярных¹¹ войск беспокоить его денно и нощно, в чём мы имеем неоспоримое и важное преимущество.

4-е. Иметь несколько отделённых летучих отрядов из лёгких войск по одной или по две тысячи человек, которые должны поручены быть в команду отважнейшим офицерам из регулярных войск¹². Дело их есть прорывать безпрестанно неприятельскую операционную линию и действовать на флангах и в тылу неприятеля истреблением того, что будет им по силе и возможности».

Основной заслугой Барклая де Толли в начале войны стало именно то, что он сумел объединить и сберечь армию для последующего генерального сражения, не дать французам разбить русских сходу и по частям. Однако далеко не все понимали его стратегический план. У Барклая возникла масса недругов, на него сильно давили. Имя Барклая в это время стало крайне непопулярным в русской армии. Более того, отношения Барклая и Багратиона после отступления из-под Смоленска оказались испорчены. В письмах к Императору Багратион

¹⁰ Когда события второго этапа кампании стали разворачиваться так, как предвидел Чуйкевич, то основные – можно сказать, катастрофические – потери французская армия понесла от действий русской кавалерии.

¹¹ Имеются в виду казачьи войска и национальные формирования – например, калмыки, башкиры, крымские татары.

¹² Таких отрядов действительно создали немало. Известнейший из них – под командованием подполковника Ахтырского гусарского полка (в дальнейшем – генерал-лейтенанта) поэта Дениса Васильевича Давыдова – далеко не крупнейший.

настаивал на смене командующего, о том же говорили Александру I и многие другие высокопоставленные сановники.

Мельгунов об этом пишет так: «...против Барклая в полном смысле слова составилась какой-то «заговор», и заговор очень внушительный по именам в нем участвующим. Не говоря уже о таких природных интриганах, как Армфельт, свитских флигель-адъютантах и т. п., все боевые генералы громко осуждали Барклая – и во главе их Беннигсен, Багратион, Ермолов и многие другие. Такие авторитетные лица, как принц Ольденбургский, герцог Вюртембургский, великий князь Константин Павлович, командовавший гвардией, открыто враждовали с Барклаем. Было бы хорошо, если бы дело ограничивалось тайными письмами, в которых не щадили «ни нравственный его (Барклая) характер, ни военные действия его и соображения». Нет, порицали открыто, не стеснясь в выражениях, лицемерно чуть ли не обвиняя его в измене. В гвардии и в отряде Беннигсена сочинялись и распространялись насмешливые песни про Барклая. Могла ли при таких условиях армия, не понимавшая действия главнокомандующего, верить в его авторитет, сохранять к нему уважение и любовь? Игру вели на фамилии, на «естественном предубеждении» к иностранцу во время войны с Наполеоном. Любопытную и характерную подробность сообщает в своих воспоминаниях Жиркевич: он лично слышал, как великий князь Константин Павлович, подъехав к его бригаде, в присутствии многих смолян утешал и поднимал дух войска такими словами: «Что делать, друзья! Мы невиноваты... Не русская кровь течёт в том, кто нами командует... А мы и болеем, но должны слушать его. У меня не менее вашего сердце надрывается...»

Какой действительно трагизм! Полководец «с самым благородным, независимым характером, геройски храбрый, благодушный и в высшей степени честный и бескорыстный» (так характеризует Барклая декабрист Фонвизин), человек беззаветно служивший родине и, быть может, спасший её «искусным отступлением, в котором сберёг армию», вождь, как никто, заботившийся о нуждах солдат, не только не был любим армией, но постоянно заподозревался в самых низких действиях. И кто же виноват в этой вопиющей неблагодарности? Дикость черни, на которых указывает Пушкин, или те, кто сознательно или бессознательно внушал ей нелюбовь к спасавшему народ вождю?»

Чем ближе русские войска подходили к Москве, тем громче общество и армия требовали сменить командующего. Стратегию Барклая называли изменой. Великий князь Константин и великий интриган Павлович, уже в кругу царской семьи объяснил: «Что возмёшь, немец он и есть немец», хотя на самом деле Барклай был шотландцем¹³.

На монарха так давили со всех сторон, что он оказался вынужден убрать Барклая с его поста. В то время главнокомандующего назначал особый чрезвычайный комитет. Он признал Михаила Илларионовича Кутузова единственным достойным кандидатом. Кутузов был стратегом с большой буквы, к тому же ловким придворным, очень сильным дипломатом и талантливым полководцем. В августе 1812-го года император вручил Михаилу Илларионовичу приказ о назначении его главнокомандующим.

Все рвались в бой – простые солдаты, генералитет. В войсках пошла поговорка снизу: пришёл Кутузов бить французов. Надо помнить: ещё со времён Карла XII никто не нарушал границ России. А тут так глубоко. Это задевало. Но тактические умы не могли понять стратегических замыслов сначала Барклая, а потом и Кутузова. Тот вселил в людей уверенность непременно дать бой, но тем не менее стал под разными предложениями уклоняться от этого боя.

Стратегов всегда отличает взвешенность и осторожность. Стратег, прежде чем один раз отрезать, отмерит семьдесят семь раз. У Кутузова мудрость и осторожность удивительным образом сочетались с беспримерным героизмом и отвагой. Так, в середине 1770-х годов, будучи строевым офицером, в бою под Алуштой он со знаменем в руках повёл солдат в бой. И был при этом тяжело ранен: пуля попала ему в область левого виска и вышла у правого глаза. Почти через четырнадцать лет, во время осады турецкой крепости Очаков, полководца снова ранили – на этот раз пуля попала в лицо и вышла в затылок. Лекарь, выхोдивший его, заметил: провидение сберегает этого человека для чего-то необыкновенного – ведь он выжил после двух смертельных ранений. Через два года под командованием Суворова, осаждавшего Измаил, Кутузов вновь проявил себя бесстрашным. В переломный момент битвы он лично повёл за собой солдат и в первых рядах ворвался в крепость. В 1811-м году, став главнокомандующим молдавской армии, проявился уже как великий полководец. В сражении у Рущука он приказал покинуть занятую большим трудом одноимённую крепость, разрушив предварительно все укрепления, затем отступил назад, на левый берег Дуная. Таким образом, демонстративно отступая, он спровоцировал турок на наступление. Те, перебравшись на левый берег, оставили на правом тыловые запасы боеприпасов и фуража, под прикрытием трети своей армии. Кутузов ночью переправил небольшое соединение солдат и казаков – и внезапным ударом овладел турецкими тылами. Таким образом основные силы турецкой армии оказались блокированными. Пятнадцать тысяч русских воинов победили вчетверо превосходящее их численностью турецкое войско. Когда же Кутузову доложили, что великий визирь сбежал, он снова отдал, казалось бы, парадоксальный приказ: не задерживать и не арестовывать визиря. Кутузов был блестяще подготовлен к войне и знал: пленный военачальник по турецким законам не может подписывать никаких документов. Поэтому капитуляцию подписал вроде бы свободный турецкий визирь в условиях пленения всей его армии.

В военном смысле главным козырем России против Франции – да и против всей Европы – был и остался российский простор и партизаны, и Кутузов это понимал. Став главнокомандующим, он продолжил отступление, начатое под руководством Барклая. Если бы не массовое – от рядового солдата до боевых генералов вроде Багратиона – стремление к решительному сражению, скорее всего не случилась бы даже Бородинская битва.

¹³ Отец: Вейнгольд Готтард Барклай де Толли, 1734–1781. Офицер русской армии. Происходил из бюргерской ганзейской семьи, являвшейся ответвлением старинного дворянского шотландского рода Барклаев. Приобрёл дворянское достоинство чином офицерским и вышел в отставку поручиком. Мать: Маргарета Элизабет фон Смиттен, 1733–1771. Происходила из семьи шведских дворян, традиционно служивших в шведской армии и имевших родовое имение Бекгоф неподалеку от города Валга – в настоящее время это местечко Йыгевесте в Эстонии.

Необходимость отступления понимали не только Барклай и Кутузов, но и сам император Александр. Ему зачастую даже приписывают этот стратегический замысел: мол, он сам принял ключевое решение, но не мог публично взять на себя ответственность за отдачу значительных территорий на растерзание интервентам. Вряд ли эта версия достоверна: Александр в 1812-м поддерживал разработанный генералом Карлом Людвигом Августом Фридрихом Карл-Людвиг-Вильгельм-Августовичем фон Пфуль план обороны с опорой на Дрисский укрепленный лагерь, что несовместимо с глубоким отступлением. Но император несомненно понимал возможность отдачи врагу значительных территорий без пользы для него. В переговорах, предшествовавших войне, он не раз намекал французам на скифскую тактику. По словам некоторых мемуаристов, однажды он даже указал французскому послу на громадную карту России, висевшую на стене его кабинета, и сказал, что готов отступить хоть до Камчатки, но не поступится ни единой каплей власти, унаследованной от предков, и не отдаст окончательно ни единой пяди унаследованной от них земли.

Словом, стратегия растягивания вражеских сил по российским просторам была очевидна очень многим. Но для её воплощения требовались громадная сила воли, готовность мириться с неизбежными тяжкими последствиями, нечувствительность к возмущённому благородному – но, увы, заведомо недалёковидному – общественному мнению. Тот, кто не может объединить в себе эти редкие качества, не может надеяться стать великим стратегом.

Барклай принял своё низложение с обычной стойкостью. Когда же 17-го августа Кутузов прибыл в армию, де Толли доложил новому главнокомандующему, что стотысячная армия рвётся в бой, который он сам был готов дать на позиции у Царёва-Займища. Однако Кутузов, не высказав вслух ни порицания, ни одобрения действий Барклая, всё же решил отступать далее на восток. Он считал: поскольку ключ от Москвы – Смоленск – взят, теперь местом предстоящего сражения будет сама Москва. Новый главнокомандующий и ранее находился в неприязненных отношениях с Барклаем, а теперь эти отношения ещё более ухудшились (воистину двум стратегам не ужиться в одной берлоге). 24-го августа Александр I подписал указ об отставке Барклая с поста военного министра. Всё это привело к тому, что накануне Бородинского сражения Барклай стал мечтать о смерти на поле боя.

К середине дня Бородинского сражения центр боевых действий переместился к Курганной высоте. Для её защиты Барклай собрал все свои силы.

Против «батареи Раевского» было сосредоточено около 300 орудий. К 3 часам дня Курганная высота, покрытая трупами павших солдат, была взята. На помощь русской пехоте Барклай перебросил кавалерийские корпуса Корфа и Крейца и сам повёл кавалеристов в атаку. В этой схватке под ним убиты пять лошадей. Погибли два и ранены пять адъютантов Барклая. Он дважды едва не попал в плен, будучи окружён польскими уланами. К концу боя его мундир был обрызган русской и французской кровью.

В конце сражения Барклай приехал в Горки и здесь получил приказ Кутузова восстановить русские боевые порядки. По всей линии разожгли множество костров – по ним солдаты могли ориентироваться. Неожиданно ночью Барклай получил приказ Кутузова об отступлении и пришёл в ярость, не понимая, как можно оставить позиции, откуда противник был отражён.

Значение Бородинского сражения в судьбе Барклая огромно – впервые после долгого молчания русские войска приветствовали его появление громовым «ура!», что означало фактическую реабилитацию его личности в армейской среде. Он стал единственным генералом, награждённым орденом святого Георгия 2-й степени за Бородинское сражение.

Приехав в Москву 1-го сентября, Барклай осмотрел позицию, выбранную Беннигсеном, и признал её непригодной для сражения, о чём доложил Кутузову. Во второй половине дня в деревне Фили состоялся военный совет. На нём было принято решение об оставлении столицы без боя.

Вместе с войском Москву покидало и население. Барклай принял активное участие в организации прохода русской армии через Москву – благодаря этому всё прошло в необыкновенном порядке.

Вместе с армией Барклай перешёл на старую Калужскую дорогу и нагнал Кутузова у деревни Панки. В эти же дни Барклай узнал: в очередной раз без его ведома в аррьергард Милорадовича передано около 30 тысяч человек из 1-й армии. Всё это крайне обострило отношения Барклая и Кутузова и подвигнуло командующего 1-й армией написать прошение об отставке по состоянию здоровья. Прошение подано Кутузову 21-го сентября – после прихода русской армии в Тарутино. Уже на следующий день Барклай отбыл из армии.

Из всех полководцев Отечественной войны 1812-го года Барклай де Толли недооценён более других и заслуживает большей признательности потомков. Но не он сделался народным героем. Ему досталась клевета, а не лавры. Меж тем он ещё до начала войны лучше остальных понимал положение вещей и придумал план спасения страны, твёрдо следовал ему, пока был в силах, несмотря на клеветников и интриганов. И его преемник вынужден был следовать этим путём, поскольку альтернативы этой стратегии не было.

Гений же Кутузова в очередной раз заблистал и во время изгнания французов из России. Английские дипломаты изо всех сил убеждали Александра: в интересах России добить Наполеона, ибо континентальная блокада несёт России лишения. Кутузов же прекрасно понимал: разгром Наполеона в российских пределах уже обеспечивает прорыв континентальной блокады, ибо для английской торговли открываются Россия и Скандинавия. А вот проливать русскую кровь ради английской морской торговли в Западной Европе совершенно не требовалось. Поэтому Кутузов выступил против преследования наполеоновских войск за пределами России.

Александр прислушался не к отечественному гению, а к иностранным советникам (и российским дворянам, заинтересованным в сырьевом экспорте). Вопреки мнению Кутузова русское войско перешло границу. Самому Михаилу Илларионовичу оставалось жить всего несколько месяцев. Но за эти месяцы он сумел сберечь немало наших солдат, уходя от кровопролитных лобовых столкновений: неудобное отступление французов под давлением, умело организованном Кутузовым, приносило французам куда больше потерь. Для императора Александра он обосновал свою тактику надобностью сохранения престижа победоносной армии. Кстати именно на этом престиже он сумел добиться ухода Пруссии из союза с Францией: 10-го февраля 1813-го Фридрих Вильгельм III подписал союзный договор с Россией, чему изрядно способствовало обещание Кутузова послать под Берлин одну из русских армий якобы ради подкрепления обороноспособности Пруссии. Словом, до последних дней жизни Кутузов оставался блестящим полководцем и не менее блестящим дипломатом в одном лице. С нашей точки зрения такое сочетание дарований является необходимым условием формирования стратегического мышления.

Самыми серьёзными противоречиями Кутузова и правящей верхушки, во главе с Александром, были противоречия стратегического характера. Приведём фрагменты из обсуждения этой проблемы на одном из исторических интернет-форумов¹⁴.

«Какую внешнюю политику диктовала такая система ценностей? Союз с Францией, помощь ей против Англии, блокирование с запада и востока германской Срединной Европы – всё это на условиях предоставления России широких возможностей экспансии на юг, к выходу из Чёрного моря, к рынкам сбыта и сырья, к новым плодородным землям, которые можно было бы легко подчинить и контролировать (до всего этого своим умом Российская империя дошла только около 1890 года, да уж поздно было). На западе, в союзе с Англией и германскими государствами против Франции, России было просто нечего брать

¹⁴ <http://wirade.ru/cgi-bin/wirade/YaBB.pl?board=histn;action=display;num=1110670808;start=45>

(и в самом деле – Александр смог взять только часть Польши, и то лишь потому, что её до того у Пруссии и Австрии отобрал Наполеон; и часть эта была более нежели сомнительным приобретением). А воевать ради славы освободителей монархов Европы или защитников её легитимности – просто преступная по отношению к своему народу блажь. Иными словами, остаётся ровно тот план, который Наполеон предлагал Александру летом 1807 года в Тильзите. Поэтому Кутузов и был «франкофилом» в целом, и не перестал им быть в 1812 году – ведь геополитическая ситуация для России тогда не изменилась».

«Коль скоро Александр медленно, но верно загубил тильзитские планы и довёл – совершенно сознательно – дело до вторжения Наполеона в Россию, оставалось бороться лишь за то, чтобы выпроводить его оттуда с наименьшими жертвами. Всё остальное, и прежде всего продолжение войны против Наполеона в Европе, оставалось такой же преступной блажью, какой было и само вползание в эту войну; а сокрушение империи Наполеона было бы триумфом германских великих держав и Англии и одним тем невыгодно для России».

«Вильсону¹⁵ при Малоярославце Кутузов сказал напрямую: «Повторю ещё раз, я не уверен, что полное изничтожение Императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Его место займёт не Россия и не какая-нибудь другая континентальная держава, но та, которая уже господствует на морях, и в таковом случае владычество её будет нестерпимо». До этого он говорил нескольким людям, в том числе тому же Вильсону, что «он не имеет иного желания, как только того, чтобы неприятель оставил Россию!» «Он провёл некоторое время в Париже и имел склонность к французам; при всём его недоверии к Наполеону, тем не менее, нельзя сказать, чтобы он относился к нему с враждебностью», – с сожалением писал впоследствии Вильсон в «Повествовании...». В дневниковых записях ноября 1812-го, когда Кутузов строил явочным порядком «золотой мост» Наполеону для выхода из России, **Вильсон отзывался о Кутузове куда менее элегически: «Он просто старый прожжённый мошенник, ненавидящий всё английское и бесчестно предпочитающий независимому союзу с нами раболепие перед правящими Францией канальями»; а Кэткарту он писал (перевод перлюстрированного письма ушёл к Александру): «Нет сомнения, что фельдмаршал весьма расположен к ухаживанию за неприятелем – французские комплименты очень ему нравятся, и он уважает сих хищников, пришедших с тем, чтоб отторгнуть от России Польшу, произвести в самой России революцию и взбунтовать донцов».**

«...никаких высокоидейных мотивов в европейских войнах против Наполеона Кутузов не видит в принципе. Война и внешняя политика для него вообще дело безыдейное. В событиях наполеоновских войн он видит и учитывает не права и свободы, а борьбу за интерес тех или иных держав; Англия борется против Франции за свой интерес, но интереса России тут нет; иное дело, ежели бы «место» всеевропейского диктатора с падением Наполеона могла бы занять Россия – тогда будет хотя бы предмет для разговора; но падение Наполеона приведёт к усилению не России, а Англии и её «нестерпимого» господства на морях – как же может Россия этому способствовать?! Вся та плоскость, в которой рассуждает об

¹⁵ Речь о Робёрте Томасе Вильсоне, или в современном написании Уилсоне – британском эмиссаре при штабе русской армии, действовавшей в 1812-м году против Наполеона; он – личный адъютант короля Георга III, а в России попросту – шпион. Здесь же пользуемся случаем отметить несколько особенностей написания английских имён и фамилий в данной книге. В большинстве европейских языков звук «Ё» может стоять не только в ударной позиции – в частности, в английском имени Робёрт, как и в большинстве слов языков германской группы, ударение на первом слоге. В английском языке нет смысловозначительного признака «мягкость согласных»: в русском «кон» и «конь» – разные слова, а подобрать сходную пару английских слов невозможно. В стандартном английском произношении все согласные близки к нашим твёрдым. Но под влиянием немецкого языка у нас сложилась традиция передачи некоторых английских звукосочетаний как мягких. В этой книге такое традиционное написание используется только в цитатах, но в авторском тексте мягкий знак в английских именах не пишется: Чёрчилл, Рузвелт и т. п.

этих делах Кутузов – совершенно та же, в которой всегда вращалась мысль Наполеона. Она чужда всякой идеологии и полностью исчерпывается «реальной политикой» – борьбы национальных организмов за свои интересы, включая гегемонию и преимущества перед соседями. Заодно можно понять, что такое для Кутузова «Россия». Для этой кутузовской «России» нестерпимо морское владычество Англии. Но кому же в России оно было нестерпимо или хотя бы тягостно? Элите и государству? никоим образом: они продавали Англии сырьё и получали от этого немалые средства. Господство Англии на море государству не вредило и стратегически, так как войны России – войны сухопутные. Купцам? Да, конечно, английское господство на морях не давало даже развернуться русской заморской торговле там, где ей пришлось бы конкурировать с английской (то есть почти всюду). Народу? Прямо народу английское владычество на морях не давало ничего ни хорошего, ни плохого; с точки зрения потенциальных возможностей – чем более развита была бы собственно русская торговля, тем зажиточнее бы жила в конечном счёте страна в целом. Заметим, что **вывозить сырьё английское морское господство России нисколько не мешало, даже помогало – мешало оно только развивать национальное производство и вывозить его продукцию!**

Если внимательно изучить материалы того самого английского шпиона Вильсона – а «работал» он весьма эффективно и обладал всей полнотой информации, – то мы увидим: конфиденциально встретившись с французским послом Лористоном, Кутузов собирався заключить перемирие с полным и свободным выводом французской армии из России. Французский император предоставил для этого Лористону все необходимые полномочия. Это был крайне рискованный шаг. Кутузов рисковал своей жизнью. И тем не менее он попытался это сделать ради того простого народа, который он собирався сохранить.

«Если для генералов такой исход дела мог казаться недопустимо унижительным, если верховная русская власть пришла бы от него в ужас (он совершенно исключал продолжение войны в Европе), то для солдат и для всего народа описанное выше соглашение было бы небывалым, невероятным триумфом Кутузова. К восстановлению европейского равновесия и освобождению европейских монархов от наполеоновского диктата русские солдаты и мужики были совершенно равнодушны. Они готовы были принести любые жертвы, чтобы изгнать захватчиков из своей страны – но после заключения перемирия оказалось бы, что Кутузов обеспечил достижение этой великой цели и вовсе без всяких жертв, что им не придётся больше ни воевать, ни голодать для этого. Новые бои и жертвы в глазах солдат и народа с этого момента становились бы совершенно ненужными и прямо преступными, а Кутузов, который обеспечил освобождение без крови, поднялся бы в их глазах как народный спаситель и заступник, как вождь и отец солдатам, на недосягаемую высоту»¹⁶.

Если бы в полной мере воплотился план перемирия Наполеона с Кутузовым, ещё неизвестно, чем бы закончилась битва при Ватерлоо. Возможно, Ватерлоо не состоялось бы вообще, а Россия избежала бы ужасающих катастроф в своей истории. Авторы считают: допустив войну с Наполеоном, российская власть открыла дорогу вторжению Хитлера¹⁷ через 130 лет. Ведь хронической слабостью царской России было и оставалось научно-техническое и промышленное отставание. Именно это отставание закрепилось на целый век вследствие «неправильной» войны 1812-го года.

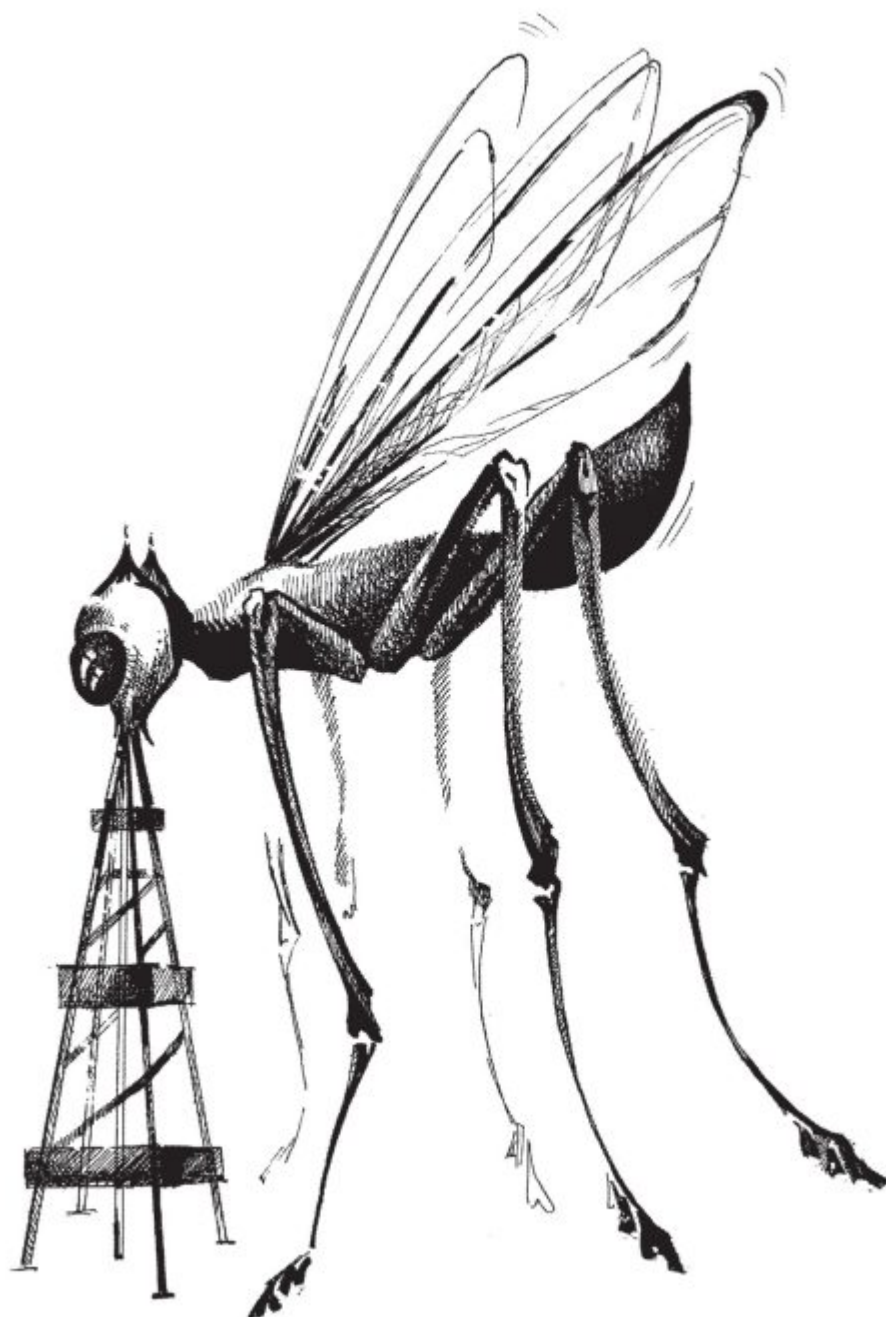
¹⁶ Вильсон Р.-Т. Дневник и письма. 1812–1813. М., 1995. С. 79.

¹⁷ В немецком языке нет глухих и звонких согласных. Вместо них – сильные и слабые. На наш слух почти все они звучат глуховато. В фамилии Hitler начальный звук более всего похож на звонкий вариант русского звука «Х». В южнорусской традиции так произносится звук, обозначаемый буквой «Г». В XVII веке русскую культуру более прочих продвигали «киевские книжники» – беглецы с юга Руси от польских репрессий после подавления восстаний против крепостного гнёта (на фоне польских порядков даже худшие образцы русского крепостничества на редкость гуманны). Тогда и сложилась передача подобных немецких слов через «Г». Но в северных и центральных русских говорах, ставших основой общерусской литературной нормы, этой буквой обозначается звонкая версия звука «К». Поэтому согласно нынешним нормам русской орфографии точнее использованное нами написание фамилии.

Но правильная или неправильная война, а 1812-й год – победа не только русской армии, хотя сейчас говорят только об этом. В целом 1812-й год подтвердил то, что говорил ещё Сунь-цзы: правильная стратегия всегда переигрывает правильную тактику. И 2012-й год должен быть юбилеем прежде всего не Бородинского сражения, а российской стратегии и российских стратегов.

Углеводородная стратегия. Державы великие и энергетические

*Нефть – товар не обычный. Нефть – товар стратегический.
Министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии Ахмед
Заки Хасанович Ямани*

Всем памятна ООНовская программа «Нефть в обмен на продовольствие» для побеждённого Ирака. СССР – великая держава! – сам загнал себя в такую же ситуацию – вывозил нефть ради закупки продовольствия. То есть уже тогда стал в части экономики побеждённым – по сути, большим Ираком. Понятно, это не путь развития, а тупик. Чтобы

со всей ясностью увидеть это, обратимся к истории отношений Соединённых Штатов Америки и России.

Заокеанское сухопутье

С того самого момента, как тринадцать британских колоний в Северной Америке провозгласили себя независимыми государствами¹⁸, Россия их активно поддержала. В частности, декларация императрицы Екатерины II Великой о вооружённой поддержке нейтралитета морской торговли не позволила метрополии организовать экономическую блокаду колоний.

Дружба продолжалась до тех пор, пока Соединённые Штаты Америки оставались, как и Россия, сухопутной империей. Даже краткая интервенция на Дальнем Востоке¹⁹ не оставила неприятного осадка. А сталинская индустриализация в основном сводилась к закупке за океаном целых заводов. Причём американские инженеры годами сидели в СССР, налаживая производство и обучая персонал, не только потому, что в эпоху Великой Депрессии не хватало работы на их родине. Они ещё и симпатизировали нашему народу. Да и официально декларированные советские идеи нравились очень многим²⁰.

Но как только Соединённые Штаты заняли экологическую нишу морской империи, освобождённую Соединённым Королевством, мы перенесли на них привычное²¹ отношение к геостратегическому оппоненту. И, конечно, очень быстро добились от него ответной неприязни²².

Правда, реальная степень заокеанской враждебности у нас традиционно преувеличивается. Например, военные потенциалы обеих великих держав до сих пор сравнимы, хотя экономический потенциал у нас на порядок меньше – то есть при желании Соединённые Штаты Америки могли создать вооружённые силы, способные раздавить СССР в одночасье. Сухопутные войска не только США, но и всей Организации Северо-Атлантического Договора²³ сопоставимы с советскими – при численности населения в несколько раз большей. По танкам же – доселе, невзирая на весь технический прогресс, главной сухопутной ударной силе – СССР всегда²⁴ намного превосходил весь Запад²⁵.

¹⁸ Российские политики тогда не поверили, что независимые государства могут добровольно соединиться. Сочли, что по незнакомству с английским языком чего-то не поняли. С тех самых пор мы так и не перевели название United States of America полностью. Да еще и произносим сомнительное слово на привычном в XVIII веке немецком языке: Штаты. Хотя это, конечно, Соединённые Государства Америки. В большей части этой книги мы употребляем именно этот дословный перевод (и его сокращение США). Но в главах, где упоминаний заокеанской страны особенно много, сохранено традиционное написание, дабы формой не отвлекать читателей от содержания.

¹⁹ С той поры остался построенный американцами вагоностроительный завод, доселе обеспечивающий подвижным составом чуть ли не всю Транссибирскую магистраль.

²⁰ Недаром во время Второй мировой войны многие участники Манхэттенского проекта – разработки атомной бомбы – охотно делились тайнами с советской разведкой вопреки всем соображениям секретности. Они считали СССР вечным союзником.

²¹ И вполне заслуженное: фраза «англичанка гадит» появилась не на пустом месте.

²² Дело не только в чувствах. Американским интересам действительно во многом неудобен сам факт существования любой державы, сопоставимой с США по силе.

²³ Northern Atlantic Treaty Organization (англ.).

²⁴ С начала 1930-х, когда у нас освоили по лицензии производство быстроходных танков американского (!) конструктора Кристи, а затем стали их совершенствовать.

²⁵ В годы Перестройки танковое изобилие называли примером бесцельной растраты сил и средств. Между тем число советских танков обосновано глубоким расчётом. По особенностям европейского театра военных действий наши стратеги определили, где советское наступление может быть встречено ядерными ударами. Рассчитали возможные потери. И создали столько танков, чтобы при всех этих потерях дойти до Атлантики, сметая по дороге войска НАТО. Благо в экипажах для этих танков дефицита не предвидится: любой тракторист – готовый механик-водитель.

Впрочем, у нас принято считать: США действуют против нас не столько открытой силой, сколько тайными операциями. «Происки ЦРУ» доселе не сходят с газетных страниц. Между тем эта грозная организация всегда блистала прежде всего неумелой растратой громадных средств²⁶. Вспомните хотя бы легендарное подключение ЦРУ к телефонным кабелям в Берлине: СССР узнал об этом техническом чуде ещё на стадии планирования, после чего несколько лет снабжал заокеанских оппонентов искусной дезинформацией.

Давайте жить дружно

Между тем стратегические интересы обеих великих держав всегда были – и сейчас остаются – очень близки. Хотя бы потому, что реальные противники у нас и США одни и те же. Например, многие американцы возмущены необходимостью поддерживать арабов ради стабильного снабжения нефтью. Но ведь и нам нечему учиться у стран, доселе не вышедших из средневековья – а на рынках сырья они всегда будут нашими конкурентами²⁷.

Едины у нас не только противники. Так, стиль инженерного и научного творчества у нас почти одинаковый. И, кстати, заметно отличающийся от европейских традиций. Поэтому, например, наши и американские ракетостроители всегда действовали практически наравне – зато европейцы до сих пор заметно отстают от нас. И российская авиация в тесном родстве с американской: киевлянин Игорь Сикорский создал лучшие американские гидросамолёты и основал тамошнее вертолётостроение, а наши конструкторы легко освоили лицензионное производство Douglas Commercial 3²⁸, а сразу после войны без всяких лицен-

²⁶ Все сколько-нибудь заметные успехи ЦРУ в борьбе против СССР обеспечены перебежчиками. Но и те в основном доставались американцам от коллег по НАТО. Например, легендарный Олег Пеньковский начал работать с британской разведкой – и только с её подачи стал подкармливать секретными сведениями ещё и ЦРУ. Даже связником у него оставался британец Невилл Винн. Не исключено, кстати, что погубила Пеньковского как раз утечка информации из Лэнгли: в центральном аппарате ЦРУ советских агентов было куда больше, чем в руководстве Интеллидженс Сервис.

²⁷ Причём очень неудобными: издержки производства у них заметно меньше, а запасы сырья в расчёте на душу населения куда больше.

²⁸ В нашей авиации – Ли-2 по фамилии Лисунова – директора авиазавода.

зий скопировали Boeing B-29 SuperFortress²⁹ по единственному образцу, оставшемуся у нас после вынужденной посадки.

Именно поэтому экономическое взаимодействие нам несравненно полезнее противостояния. Экспорт российского сырья тут ни при чём: это добро не только американцам, но и нам куда выгоднее покупать в странах третьего мира. Зато возможности нашего совместного технического развития необозримы.

Равновесие страха

К сожалению, за океаном это осознано ничуть не лучше, чем у нас. Возможно, потому, что США вообще привыкли не слишком полагаться на союзников: там политику строят в лучших традициях экономики, а в деловой практике союзы распадаются едва ли не быстрее, чем создаются. А может быть, сказывается полувекковая привычка противостояния: тамошние идеолУХи не хуже наших владеют искусством самогипноза.

Даже после 2001.09.11, когда общность интересов стала очевидной, период потепления оказался на редкость краток. США выбрали далеко не эффективнейший³⁰ метод самозащиты. Мы же так и не нашли – а возможно, и не искали толком³¹ – способ объединить не только слова, но и поступки.

Правда, сейчас заокеанские политики погружены в собственные проблемы: предвыборная кампания требует сверхвысокого напряжения. Но трудно сомневаться: первые же внешнеполитические шаги победившего президента будут продиктованы прежней привычкой к противостоянию с Россией.

²⁹ Ту-4: копированием занималось КБ Туполева.

³⁰ В том числе и по части пропаганды. Например, Саддама Хусейна следовало, по мнению экспертов, обвинить не во владении классическим оружием массового поражения – его, кстати, так и не оказалось. Реально он виновен в создании нового вида такого оружия. Именно Хусейн первым стал выплачивать денежное вознаграждение (и очень солидное по арабским меркам – \$10 000) семьям погибших террористов. Это и позволило поставить производство камикадзе на поток. Но американские пропагандисты так и не поняли, сколь эффективно такое обвинение. Или не захотели понимать. Ведь вслед за Саддамом сходное вознаграждение – уже \$25 000 – назначила Саудовская Аравия. А с нею США всё ещё не готовы ссориться.

³¹ В частности, чеченских террористов многие на Западе всё ещё считают борцами за свободу. Даже зверские убийства британских инженеров, пытавшихся наладить сотовую связь в «гордой независимой Ичкерии», остались почти не замечены тамошней пропагандой. Слова президента Путина, доказавшего родство всех исламских террористов, остались не замечены даже нашим собственным МИДом, всё ещё исповедующим догматы холодной войны.

Нефтяная игла

В числе ключевых опор этой привычки – все те же старые игры вокруг сырья. Прежде всего – вокруг нефти. Например, на Ближнем Востоке стратегия СССР и США всегда сводилась к контролю над её источниками. США предлагали арабам богатый рынок сбыта, СССР – щедрые поставки оружия³². В конце концов те арабские страны, что располагали большой нефтью, оказались на стороне Запада³³, остальные стали повторять социалистические заклинания³⁴.

Лоббисты у штурвала

До недавнего времени дело было осложнено тем, что в обеих великих державах у самой вершины власти оказалась чрезвычайно велика концентрация нефтяных лоббистов. Российские битвы с олигархами общеизвестны. Но и президент с вице-президентом США имели в сырьевом бизнесе немалые интересы³⁵. Так что заокеанская сверхдержава и по сей день рискует угодить в ту же сырьевую ловушку, где уже трепыхаемся мы.

Между тем ориентация на сырьевой бизнес стратегически проигрышна. Ещё в начале 1970-х Джулиан Саймон объяснил, почему в долгосрочной перспективе доля сырья в цене любого товара снижается. Поэтому высокотехнологичные отрасли заведомо развиваются в среднем быстрее.

Отдельные экономические потрясения³⁶ могут приостановить эту тенденцию³⁷. Но рано или поздно разорение сырьевиков возобновляется. Успехи сырьевого лобби начала 2000-х – возможно, последние в истории великих держав. Не зря они сопровождаются столь ожесточённой политической³⁸ борьбой.

³² Принято считать, что СССР экспортировал оружие на \$20 млрд в год. На самом же деле мы получали за свой экспорт те же \$2–3 млрд в год, что и в ельцинские времена. Остальное вывозилось в кредит. То есть фактически оплачивалось нашим же экспортом нефти. Причём основная масса кредитов была заведомо безнадёжна. Даже сейчас, спустя почти 15 лет после перехода на коммерческие рельсы, России не удалось взыскать и десятую долю зарубежных долгов. Скорее всего, их придётся полностью списать.

³³ Ирак сегодня принято называть нашим союзником. Между тем до самого вторжения в Кувейт он считался союзником США – в противовес клерикальному Ирану. Получал не меньше американского оружия, чем советского. И заокеанские поставки всегда аккуратно и в срок оплачивал.

³⁴ Партия, правящая в Ираке и Сирии, официально называется партией арабского социалистического возрождения (арабское сокращение – БААС). Монопольное правление БААСисты начали с истребления коммунистов. Тем не менее коммунистический СССР всегда считал их своими союзниками.

³⁵ Ричард Чейни до избрания вице-президентом возглавлял компанию Halliburton. Сейчас она снабжает войска США в Ираке не только нефтью, но и продовольствием. На условиях, неслыханно выгодных для неё и разорительных для бюджета. Скандал по этому поводу не утихает с момента второй предвыборной кампании Буша и Чейни – но без видимых последствий.

³⁶ Например, нефть подорожала на два порядка в октябре 1973-го, когда арабы, проигрывая очередную войну с Израилем, прекратили поставки на Запад, добиваясь таким способом остановки израильских войск. Нынешний скачок цен – следствие конфликта США с арабским миром (война в Ираке – лишь начальный его этап).

³⁷ Именно нефтяной бум 1973-го покончил с экономическими реформами, начатыми в СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным. Попы марксистского прихода во главе с Михаилом Андреевичем Сусловым решили, что пробойны в экономике идеологически спокойнее затыкать пачками нефтедолларов, нежели заделывать развитием рынка. В результате Новую Экономическую Политику, разработанную ещё Владимиром Ильичом Ульяновым, первым осуществил в полном объеме Дэн Сяопин. Наша же экономика плотно села на нефтяную иглу. С тех пор любые колебания сырьевого рынка отзываются у нас землетрясениями – от перестройки до дефолта.

³⁸ По слухам, не только политической. Кое-кто считает даже террористические авианалёты 2001.09.11 делом рук спецслужб США. Это практически невозможно – по крайней мере все опубликованные доводы сторонников теории заговора не выдерживают даже самой снисходительной критики. Но показательно само направление мысли: выгода этих терактов для сырьевого лобби очевидна. Просто само лобби не исчерпывается верхушкой США: в арабском мире оно куда обширнее.

Стратегия и тактика

Итак, в стратегической перспективе положение сырьевиков безнадёжно. Но шахматные учебники полны примерами стратегически проигрышных партий, выигранных удачным тактическим манёвром. А политические шахматы несравненно сложнее спортивных.

Политические потрясения чаще всего тормозят развитие высоких технологий – по крайней мере невоенной их составляющей. Поэтому сырьевики объективно заинтересованы в нестабильности – даже если каждому из них по отдельности она опасна.

Закон Саймона связывает относительное удешевление сырья с научным и техническим прогрессом. Поэтому сырьевикам невыгодна интеллектуализация общества – необходимая опора прогресса.

Реакционная политика невозможна без активного промывания мозгов. Поэтому государства, ориентированные на сырьё, не склонны к реальной свободе слова. Арабские феодалы откровенно затыкают прессе рот. Сырьевики цивилизованных стран предпочитают скупать СМИ – с тем же результатом.

Сырьё неизменно. Опора на него возможна только в неизменном обществе. Инерция нашего мышления – главная защита сырьевиков.

Если мы преодолеем инерцию мышления, если научимся творчески решать стоящие перед нами задачи, а главное, творчески распознавать и ставить их – дело сырьевиков будет не только проиграно стратегически, но и незащитимо никакими тактическими трюками.

Кровь земли

Нефть ныне – кровь мира, но и кровь войны. Любой конфликт XX века замешан на нефти, в крайнем случае – на околонефтяных ресурсах.

Безудержная конкуренция

Нефть стала предметом самостоятельной стратегии к концу XIX века – после того, как сформировался гигант нефтяного бизнеса «Standard oil».

Создал компанию и руководил ею выдающийся менеджер Джон Дэвисон Уильям-Эвэрич Рокфеллер. В те годы ещё не измеряли IQ, но многие свидетельствовали: Рокфеллер решал в уме сложнейшие математические задачи. А это указывает на качества личности, необходимые и для решения сложнейших задач в жизни. В частности, для преодоления колебаний спроса и предложения, наблюдавшихся в отрасли с первых дней её существования.

Вот что пишет об этом времени Дэниел Ховард Ергин – один из признанных мировых экспертов в нефтяной промышленности и международных отношениях:

«Нефтедобытчики неоднократно пытались ограничить добычу, но безуспешно. Нефть вытекала из переполненных резервуаров, покрывая землю чёрной плёнкой. Избыток становился настолько большим, и цены падали так низко, что сырую нефть уже некуда было девать – она стекала в реки и на соседние фермы. Был момент, когда цена упала до сорока восьми центов за баррель – на три цента ниже, чем домохозяйки в Нефтяном районе платили за питьевую воду.

Периодические попытки ограничить добычу неизменно проваливались. Бурильщики непрерывно открывали всё новые и новые месторождения, которые подрывали всякую стабильность в отрасли. Более того, существовало слишком много нефтедобытчиков, и невозможно было ввести какие-либо разумные ограничения. По некоторым оценкам, в последней четверти девятнадцатого столетия в Нефтяном районе работало не менее шестнадцати тысяч добывающих предприятий. Многие из нефтедобытчиков раньше были спекулянтами, другие фермерами, и большинство из них, каким бы ни было их прошлое, были индивидуалистами в высшей степени и вряд ли смотрели далеко вперёд или думали об общем благе, даже если рабочий план у них сам по себе и присутствовал.

Рокфеллер с его гипертрофированной любовью к порядку с отвращением взирал на хаос и беспорядок в рядах нефтедобытчиков. «Нефтяной район, – говорил он позже с едким сарказмом, – был минным полем для переработчиков».

Целью смелого и вызывающего плана Рокфеллера было, по его словам, положить конец «этой убийственной политике, не приносящей прибыли» и «сделать нефтяной бизнес надёжным и прибыльным» – под его контролем. Рокфеллер был и стратегом, и главнокомандующим, приказывающим своим лейтенантам действовать тихо и быстро и обдумывать свои действия. Неудивительно, что его брат Вильям описывал отношения с другими переработчиками в терминах «война или мир»³⁹.

Вертикальный интегратор

«Standard oil» консолидировала отрасль разнообразными методами. Конкурентов поглощали без особого стеснения в боевых приёмах – от скупки железных дорог, вывозивших нефть из отдалённых пустынных уголков, до налётов наемных бандитов на промыслы.

³⁹ Дэниел Ергин, «Добыча».

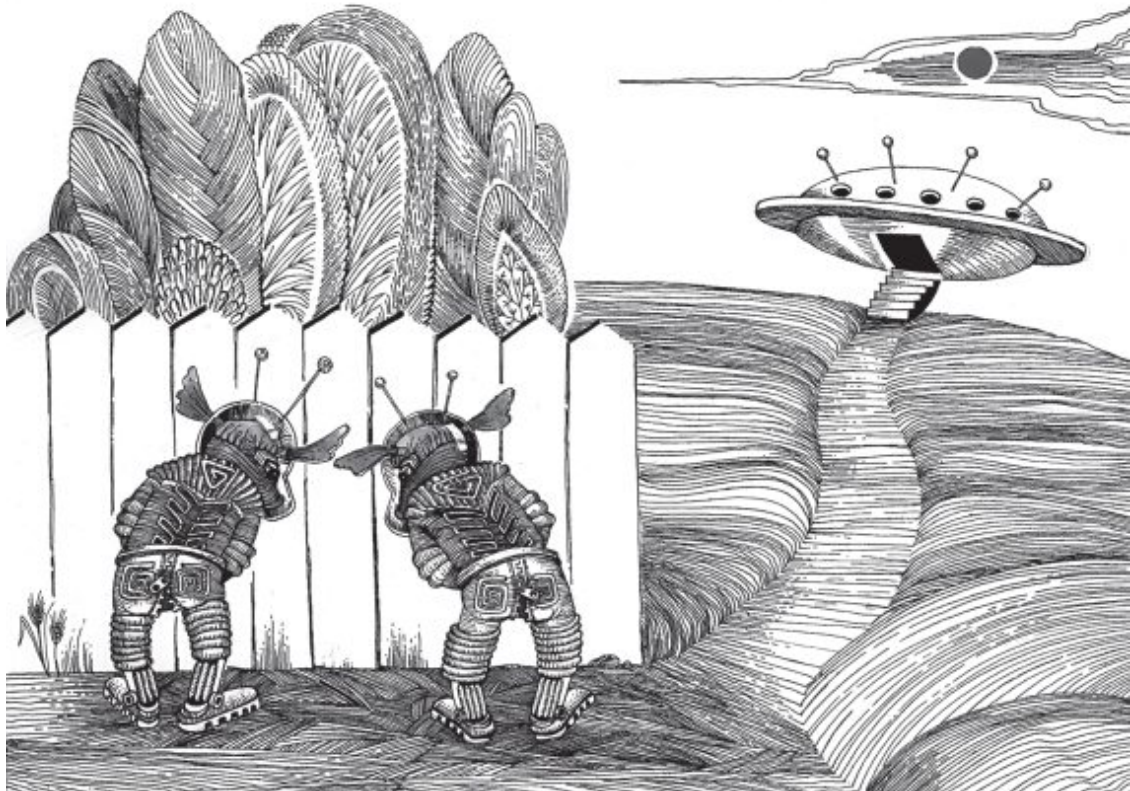
Кстати, в 1902-м забастовка бакинских нефтяников также сопровождалась погромами, поджогами и подрывами оборудования – того самого, где забастовщики зарабатывали (по их мнению, недостаточно – но по тогдашней российской мерке очень неплохо). За время забастовки Рокфеллер занял почти всю долю мирового рынка, ранее плотно заполненную Мантасшевыми, Нобелями и прочими русскими нефтепромышленниками. Впоследствии удалось лишь немного потеснить его, но не восстановить в полной мере былой российский контроль над мировым нефтяным рынком.

Но куда важнее была скупка всех звеньев технологической цепочки: разведка – добыча – переработка – продажа. Рокфеллер выстроил первую в мире полностью вертикально интегрированную компанию. Она по сей день остаётся образцом построения эффективного бизнеса⁴⁰. Один из учеников Рокфеллера сказал: «Он инстинктивно создал тот порядок, который может происходить только из централизованного управления большим конгломератом производства и капитала, с одной целью – в интересах организованного продвижения продукта от производителя к потреблению. Это дисциплинированное, экономичное и эффективное продвижение есть то, что мы сегодня, много лет спустя, называем «вертикальной интеграцией»... Я не знаю, употреблял ли когда-нибудь господин Рокфеллер термин «интеграция». Я знаю только, что именно он сформулировал саму идею».

В последней четверти XIX века компания контролировала 85 % американского рынка и практически весь внешний рынок. Представитель «Standard oil» сказал: за рубежом продукт компании пробил себе путь в большее число самых дальних уголков, как цивилизованных, так и не цивилизованных стран, нежели любой другой, поставляемый из одного источника, за всю историю бизнеса.

Однако команда Рокфеллера рано стала почивать на лаврах. Когда компания начала успешную экспансию на российский рынок, в самой России семья шведских промышленников Нобелей начала осваивать бакинские месторождения, отошедшие к России в начале XIX века. Компания «Братья Нобель» даже стремительнее Рокфеллера развивала производство нефтепродуктов. Вначале она отвоевала российский рынок, а затем в альянсе с Ротшильдами вышла на мировой. Сейчас многих удивляет факт: инновационная составляющая бизнеса Нобелей значительно превосходила таковую у Рокфеллера. Тут и разработка нефтеналивных судов – танкеров, и прокладка нефтепроводов, и привлечение первоклассных химиков к технологиям нефтепереработки. В итоге только за три года доля США в мировой торговле нефтепродуктами упала на 7 % и на эти же 7 % выросла доля России.

⁴⁰ Забавно, что один из основателей либертарианства – Людвиг Хайнрих Артурович Эдлер фон Мизес – отрицал эффективность вертикальной интеграции на том основании, что каждое звено технологической цепочки может найти себе партнёров и повыгоднее тех, с кем объединено принудительно. Мизес, разумеется, не учёл неизбежные издержки на поиск партнёров и налаживание взаимодействия, не говоря уж о возможности разорения множества участников рынка вследствие их собственных несогласованных действий вроде ценовых войн – что и происходило среди нефтяников до их принудительной интеграции Рокфеллером.

Создание потребителей

Но это был только первый звонок. Второй прозвонил уже для обоих конкурентов. Главным в ту пору нефтепродуктом был керосин, используемый для освещения. Бензин считался опасным отходом производства, пригодным разве что для чистки жирных пятен. Изобретение российского инженерного гения Александра Николаевича Лодыгина и его коммерциализация американским гением Томасом Алва Сэмюэл-Огденовичем Эдисоном привела в конце XIX века к осветительной революции. Мир стремительно переходил на электрическое освещение. Вдобавок тогда ещё не было эффективных технологий сжигания тяжёлых нефтепродуктов – мазута – в топках паровых котлов (на судах и электростанциях): форсуночное распыление изобрёл великий русский инженер Владимир Григорьевич Шухов в 1880-м, но распространилось оно куда позже, так что первые электростанции работали только на угле. Казалось, нефтяным гигантам осталось жить считанные дни.

Однако оттуда же, откуда пришла, казалось бы, погибель, пришла и новая жизнь. Один из ведущих инженеров Эдисоновской компании отпочковался от Эдисона и завел собственное дело. Оно стало делом всей его жизни. Мы видим его повседневно и называется оно его именем «Форд».

Хенри Уильямович Форд не изобрёл ни двигатель внутреннего сгорания, ни автомобиль – это сделали другие творцы незадолго до него. Но именно он сделал автомобиль массовым продуктом, стал вождём мировой автомобильной революции. Количество автомобилей на дорогах США выросло за первые 10 лет XX века в сто раз – и всем им нужен был бензин. Именно бензин, ибо этот дешёвый пятновыводитель можно было купить в каждой аптеке, так что бензиновые моторы – в отличие от паровых или электрических, в те годы также быстро развивавшихся – опирались на уже готовую инфраструктуру снабжения. Побочный до той поры продукт нефтепереработки стал главным.

Одновременно начался переход с угля на нефть и на море. Но творцы этого рынка сбыта тяжёлых – мазутных – продуктов нефтепереработки – выдающиеся организаторы военно-морского флота Джон Арбутнот Уильямович Фишёр и Уинстон Леонард Рэндолфович Спенсёр-Чёрчилл – заслуживают отдельного рассказа.

Чудо на шинах

Двигатель внутреннего сгорания стремительно менял мир. Но менялся не только мир – менялась и война. Она после долгих локальных пристрелочных попыток разразилась на планете в 1914-м году.

В начале войны немцы, обладая подавляющим превосходством в таких ресурсах, как железо и уголь, а также лучшей в мире сетью железных дорог, начали реализовывать это преимущество, как во время последней – 1870-го года – франко-прусской войны. Они уже угрожали Парижу. Немецкий командующий Хельмут Йоханн Людвиг Адольфович фон Мольтке – племянник победителя 1870-го Хельмута Карла Бернхарда Фридрих-Филипп-Викторовича фон Мольтке – предвкушал скорую победу. Основания для этого были весомые. Германские составы буквально по часам бесперебойно доставляли войска, оружие, боеприпасы. Железнодорожная система Франции была куда слабее, хуже организована (все сколько-нибудь заметные дороги сходились в одном Париже) и не справлялась с перегрузками (да и неведомо, какая доля аварий была вызвана техническим износом, а какая немецкими диверсиями). Как доставлять резервы к передовой?

Выход нашёл французский генерал – впоследствии маршал – Жозеф Симон Галлиени. Он мобилизовал почти 3 тысячи парижских таксистов. Они за двое суток перебросили к передовой – всего за сотню километров от столицы – несколько дивизий. Это был прообраз мотопехоты будущих войн. Контратака французов выровняла ситуацию на фронте и вошла в историю под названием «чудо на Марне».

Война перешла в позиционное русло. Два с лишним года на фронте держалась патовая ситуация. «Это не война!» – восклицал в сердцах военный министр Великобритании лорд Хорацио Хёрбёрт Хенри-Хорациович Китченёр. Преимущество немцев в железнодорожном транспорте на угле было уравновешено преимуществом союзников в автомобилях и мотоциклах на бензине.

Траншейную позиционную войну сумело завершить ещё одно бензиновое творение.

По любым преградам

С детских лет мы помним старую испанскую пословицу «Из-за гвоздя теряется подкова, из-за подковы – лошадь, а из-за лошади гибнет всадник» в стихотворном переложении Самуила Яковлевича Маршака:

Не было гвоздя – подкова пропала.
Не было подковы – лошадь захромала.
Лошадь захромала – командир убит,
Конница разбита, армия бежит.
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого, что в кузне не было гвоздя!

На первый взгляд столь грозная картина лавинообразного развития событий кажется существенным преувеличением. На деле она, пожалуй, даже несколько преуменьшает возможные последствия малейшего недосмотра.

В частности, пословичные подковы стали серьёзной проблемой по меньшей мере для двоих великих завоевателей. Александр Филиппович Аргеад – прославленный Александр Македонский – по одной из легенд повернул из Индии не из-за ропота своих бойцов (те уже давно привыкли бить любых встречных), а потому, что подковы его кавалерии стёрлись, так что пришлось бы радикально менять методику ведения боевых действий. Наполеон Карлович Бонапарт, по совершенно достоверным сведениям, отступая из Москвы, потерял немалую часть обоза и артиллерии вследствие нехватки подков: на твёрдой мёрзлой земле лошади останавливались при малейшем подъёме даже со сравнительно небольшой нагрузкой (правда, даже если бы они тянули полноценно, немалую их часть скорее всего всё равно съели бы сами воины, изголодавшиеся на разорённых ими же землях).

Своего рода вариация на тему подковы – гусеница – изменила ход мировой истории не менее радикально.

Калифорнийские инженеры Бенджамин Холт и Дэниел Бест, экспериментируя в конце XIX века с совершенно мирной сельскохозяйственной техникой, вряд ли могли вообразить, что повлияют на исход Первой Мировой войны и в значительной степени определяют весь рисунок боевых действий во Второй. Они решали вполне прикладную задачу. В жирной рыхлой почве основных американских зернопроизводящих угодий буквально тонули тяжёлые колёсные тракторы. Поэтому спрос на мощную технику был слишком мал для эффективной деятельности Holt Manufacturing Company и Best Tractor Company.

Лучшим выходом из положения оказалась конструкция, названная изобретателями «бесконечное цепное колесо»⁴¹. Сейчас её обычно называют гусеницей. Считается, что это название предложил Уинстон Чёрчилл, когда в качестве Первого Лорда Адмиралтейства финансировал новую разработку – сугубо сухопутную, но изрядно напоминающую боевые корабли.

Но ещё задолго до начала войны гусеница изрядно способствовала победам в битве за урожай. Широкая сплошная поверхность надёжно удерживает многотонную технику даже на такой поверхности, где человек по колено утопает в земле, а лошадь не может не только тянуть плуг, но даже вытянуть ногу из грязи. Появилась возможность вести работы при агротехнически оптимальной степени увлажнения почвы не вручную, а с высокой производительностью.

Позиционный тупик, сложившийся в Первой Мировой войне уже осенью 1914-го (после того, как начальник германского генерального штаба Мольтке, неверно истолковав подготовленный его предшественником Шлиффеном идеальный план наступления, сам отбросил значительную часть французских сил на маршрут движения собственных войск и тем самым в заметной мере предопределив своё поражение на Марне, где воевали не только переброшенные на парижских такси подкрепления), был порождён не только могуществом новоявленных пулеметов. Немалую роль сыграло и то, что после сверхмощной артиллерийской подготовки, достаточной для подавления большинства огневых точек противника, на месте разрушенных позиций возникало подобие лунного ландшафта. По сплошным воронкам, в значительной степени перекрывающимся, можно было двигаться разве что ползком. За время преодоления собственноручно созданной полосы препятствий противник успевал подтянуть из глубины резервы и закрыть брешь.

Траншейная война была столь же бессмысленна, сколь и кровава. За два года боевых действий Западный фронт смещался – в обе стороны – на считанные мили. Не помогали даже новейшие технические средства. На них оказались особо горазды немцы – в ту пору народ с

⁴¹ Задолго до Холта и Беста – в 1879-м – патент на придуманный и изготовленный им ещё в 1877-м «вагон особого устройства с бесконечными рельсами для перевозки грузов по шоссейным и просёлочным дорогам» получил русский самоучка Фёдор Абрамович Блинов. Но, не располагая производственной базой, он только в 1888-м закончил изготовление первого самоходного гусеничного аппарата.

лучшей научной и инженерной школой. Но дирижабли и бомбардировщики, разрушая тыловую экономику, лишь незначительно ограничили возможности фронта. Даже отравляющие газы всего лишь затрудняли действия солдат: противогаз вошёл в стандартное снаряжение бойца через считанные месяцы после хлорной атаки на реке Ипр.

К тому времени уже стали весьма популярны бронеавтомобили. Неуязвимые для пулеметов и снарядных осколков, быстрые (по тому времени), с мощным собственным вооружением, они могли врываться во вражеские позиции – но, увы, лишь до первой траншеи. А уж пройти по лунному ландшафту, оставленному артподготовкой, им и подавно было не под силу.

Автором британского рецепта победы считается полковник Эрнест Данлоп Суинтон – автор популярных фантастических произведений на военные темы. Именно он предложил установить бронеавтомобиль на гусеницы – чтобы без труда прорывать проволоочные заграждения и переваливать траншеи. Вероятно, тут сказались его довоенные опыты с американским гусеничным трактором.

Сухопутные войска встретили проект скептически и почти уже положили проект под сукно: привычные средства вроде массированного артиллерийского и пулеметного огня казались надёжнее. Положение спас Чёрчилл. После неудачи вдохновленного им английского десанта на полуостров Галлиполи в проливе Дарданеллы он очень остро чувствовал недостаточность морской огневой и броневой мощи, лишённой возможности выхода на берег, для преодоления сухопутных препятствий – а потому ухватился за идею создать нечто подобное наземным броненосцам.

Для секретности новую конструкцию называли tank – резервуар: считалось, что их можно будет выдать за передвижные цистерны для водоснабжения британских войск на засушливом Ближнем Востоке. Первые неуклюжие ромбовидные коробки действительно мало напоминали грозное оружие.

Боевые машины на гусеничном ходу впервые использованы в 1916-м у реки Сомма. Правда, против них довольно скоро нашлось противоядие: броня, неуязвимая для винтовочных пуль, легко проламывалась прямыми попаданиями шрапнельных снарядов полевых орудий. Танки стали применяться массированно – огонь по вражеским батареям расчищал дорогу.

Триумфом нового оружия стало сражение близ города Амьен: 8-го августа 1918-го лавина из 456 танков прорвала германский фронт. Генерал Эрих Фридрих Вильгельм Август-Вильгельмович Людендорф – бессменный с 1914-го начальник штаба Пауля Людвиг Ханса Антона Ханс-Роберт-Людвиговича фон Бенекендорф унд фон Хинденбург, ставшего к тому времени верховным главнокомандующим – впоследствии назвал эту битву «чёрным днем германской армии».

Немцы к тому времени уже нашли собственный рецепт прорыва укреплений: небольшие – но хорошо обученные и мощно вооружённые – штурмовые группы солдат подбирались по складкам местности вплотную к траншее, забрасывали её гранатами, а затем добивали уцелевших плотным огнём из новейшего оружия – пистолет-пулемётов. Теперь же и противники Германии нашли собственный – технологический – способ быстрого прохода через линии обороны: танкам не мешали ни рвы, ни воронки. Траншейная война завершилась.

В октябре 1918-го высшее командование Германии признало победу невозможной. Главной причиной моральной сдачи было указано появление танков.

Холт и Бест поучаствовали в войне не только как источники knowhow. Их компании поставили армиям союзников тысячи тракторов в качестве артиллерийских тягачей. Продавали они – и весьма выгодно – также двигатели для танков. Сотрудничая с союзным командованием, Holt Manufacturing Company разработала также первую в мире самоходную артилле-

рийскую установку с невиданной тогда скоростью: 45 км/час. Правда, эта идея так и осталась почти не востребована до Второй Мировой войны.

В этой войне танки и самоходки сыграли ключевую роль. Немцы развили свою концепцию штурмовых групп на новом техническом уровне. Теперь линию обороны прорывали концентрированные группы быстроходных танков. Они уходили в глубокий тыл и беспрепятственно громили его, уничтожая резервы, лишая войска на переднем крае снабжения и тем самым отдавая их на растерзание пехоты. Значительную часть снабжения самих танковых войск обеспечивали полугусеничные – с гусеницами под кузовом и передними управляющими колёсами – грузовики. Они же тянули пушки, способные справиться с непосильными танкам укреплениями, и везли пехоту, высматривающую укрытого противника несравненно бдительнее, чем в оптику танковой башни. Словом, гусеница во всех видах обеспечила прорыв сколь угодно мощных оборонительных сооружений. Только нарастив до сходного уровня подвижность собственных войск, учтя бесчисленные нюансы их боевого взаимодействия, антихитлеровская коалиция смогла бороться с немцами.

С тех пор сменилось несколько поколений боевых средств. Двигатели на них зачастую многотопливные – работают не только на бензине или (как советские танки в Великой Отечественной войне) солярке, но на всём, что льётся и горит. Но основную картину современной войны всё ещё в значительной степени определяет гусеница – подкова техники. И неизменно остаётся верна древняя истина, вошедшая в пословицы и стихи: **в большом деле мелочей нет!**

Понятно, во Второй Мировой войне нефтяной вопрос стал определяющим фактором. Вспомним хотя бы Пёрл Харбор – катастрофу в Жемчужной гавани: от неё Япония выиграла тактически, а США – стратегически.

Тихоокеанская конкуренция

К концу 1930-х годов выросла напряжённость между Японией и Соединёнными Штатами Америки.

Слишком уж быстро укрепилась японская военно-морская мощь. Правда, по Вашингтонским договорам суммарный тоннаж японского военного флота был ограничен $\frac{3}{5}$ от американского или британского. Но США и Великобритания должны были обеспечивать своё военное присутствие по всему миру, Япония же – только в Тихом и Индийском океанах, так что на этом театре военных действий она была сильнее любого из потенциальных соперников.

Но морская мощь – лишь отражение экономической. Японский флот опирался на стремительную экспансию в Восточную и Юго-Восточную Азию – и в свою очередь был инструментом этой экспансии. В частности, Япония поставила под свой контроль ключевые регионы Китая и тем самым обеспечила себе значительные финансовые и сырьевые потоки.

Американцев это, естественно, не устраивало. Ещё на рубеже XIX–XX веков они требовали политики открытых дверей по всему миру, то есть своего доступа на рынки любой страны. Закрытие для них громадного китайского рынка было болезненным ударом по экономике, остро нуждающейся в сбыте чего угодно и куда угодно ради выхода из тогдашней Первой Великой депрессии.

Естественно, Япония стала прежде всего предметом пропагандистской войны. Благо создавала для неё прекрасную почву, ибо вела войны хотя и оружием европейского образца, но с истинно восточной свирепостью. В частности, жертвами японских бомбардировок и артиллерийских обстрелов стали многочисленные мирные китайцы. Кинохроника и газеты довели сведения о жестокости японцев до американского общественного мнения и добились его негативного настроения по отношению к Японии.

На чужом горючем

Между тем Япония зависела от поставок американской нефти даже для продолжения боевых действий в Китае. Примерно 1/10 нефти, потребляемой Японией, поступало из недалеко (по тихоокеанским меркам) расположенной Нидерландской Ост-Индии (ныне – Индонезия), с месторождений на островах Ява и Борнео. Ещё примерно столько же – с острова Сахалин (его южная половина по итогам русско-японской войны 1904–5-го годов оказалась японским владением, а на северной половине японцы заключили несколько концессий). Остальные 8/10 – из США. Понятно, японцы очень тяготились своей зависимостью от импорта из конкурирующей державы. Это мешало им почувствовать себя свободными хозяевами всех близлежащих регионов.

Президент Фрэнклин Делано Джэймсович Рузвельт под нажимом тщательно подготовленного общественного мнения ограничил экспорт многих стратегических товаров в Японию. Министр торговли запросил уточнения по поводу нефтяного эмбарго. Рузвельт объяснил ему: экспорт нефти в Японию – проблема не размеров стратегических запасов США, а политической стратегии.

Рузвельт заявил: японцы уже решили развязать войну. Но сейчас решают, где нанести первый удар: по нефтяным терминалам на острове Суматра или по советскому Дальнему Востоку. В то же время самим США чрезвычайно важно поддержать мир в тихоокеанском регионе, ибо военно-морские силы необходимы для контроля Атлантики, где развернулось англо-германское противостояние. Американского флота не хватало на плотный контроль обоих океанов. Даже небольшой военный инцидент на Тихом океане привёл бы к тому, что

в какой-то доле Атлантики транспортные конвои, направляющиеся в Англию, останутся открыты для ударов немецкого флота. А ведь Великобритания – стратегический союзник США.

В надежде на поворот к северу

Вдобавок в конце 1930-х в США из разных источников поступали сведения: Япония собирается напасть на Советский Союз. Неудачные для Японии локальные конфликты на озере Хасан в 1938-м и реке Халхин в 1939-м рассматривались как разведка боем. А уж когда на СССР напала фашистская Германия, среди японцев началась буквально потасовка: куда прыгнуть. Агентура США в Японии, естественно, доложила об этом.

Министр финансов США Хенри Хенрич Моргентау предлагал вполне перекрыть поставки нефти в Японию. Рузвельт ответил: в этом случае у японцев останется единственный ход – нападение на ост-индские нефтепромыслы. А это – война. Так же считала и Великобритания.

Вдобавок вооружённые силы США переживали очередную модернизацию. Первые же сражения в Европе показали: США не готовы к новому стилю боевых действий. Да и флот нуждался в линейных кораблях нового поколения: американцы ещё не знали полный набор возможностей новейших японских линкоров «Ямато» и «Мусаси», но и отрывочных слухов хватило для проектирования серии «Айова», способной им противостоять. Тогда ещё никто не знал, что решающие роли в предстоящей тихоокеанской войне будут принадлежать авианосцам и крейсерам, а линкоры останутся лишь скромной поддержкой.

Рузвельт из всех сил оттягивал начало войны с Японией. Практически по тем же причинам, что и Джугашвили – войну с Германией. Хотя и там, и там было ясно: рано или поздно война неминуема.

В поисках сырья

Но японцы куда сильнее зависели от американских поставок, чем немцы от советских. Хотя бы потому, что мы поставляли немцам только сырьё, а японцы получали от американцев не только многие цветные металлы и сырую нефть, но и авиационное топливо: в ту пору только американцы освоили разработанные русскими химиками технологии термических и каталитических преобразований, дающие значительный выход высокооктанового бензина. Так, в СССР тогда из бочки нефти выходило менее ведра авиабензина, так что наши лётчики перед войной имели налёт всего по несколько десятков часов – на большее не хватало горючего⁴².

Кроме того, японцы тщательно изучили опыт Первой Мировой войны. Одна из ключевых причин тогдашнего поражения Германии – её зависимость от внешних поставок и следующая отсюда уязвимость для морской блокады.

Японцы ещё в начале 1930-х провозгласили лозунг создания сферы совместного процветания в Азии. Фактически это – платформа для независимости от внешних поставок

⁴² Японские и германские лётчики тренировались в десятки раз больше, но не потому, что их нефтехимики давали больше бензина: просто самих лётчиков у них было меньше. Эти страны сделали ставку на немногочисленные – но очень хорошо натренированные – войска. В тактическом плане это давало немало преимуществ. Но когда очередного противника не удалось разбить сразу, выигрыш обернулся стратегическим проигрышем. Советских и американских лётчиков (и воинов иных специальностей) оказалось так много, что никаких асов не хватало для борьбы с ними: один против десятерых нигде не воин. На одного советского или американского лётчика приходилось в разы меньше сбитых самолётов, чем на немецкого или японского – просто потому, что на нас не хватало вражеских мишеней. Уже к середине войны и японцы, и немцы лихорадочно пытались готовить лётчиков помногу – но не располагали надлежащей системой массовой подготовки. Вот урок тем, кто надеется сейчас решать все военные проблемы малой профессиональной армией.

сырья и опора для возможного противостояния (в том числе и военного) с другими великими державами. Но чем дальше, тем очевиднее становилось: независимость от внешних поставок недостижима без прямого столкновения – прежде всего с США.

Сухопутные силы Японии отдавали приоритет северному направлению. К тому времени они уже полностью подчинили себе Маньчжурию. Отсюда можно было продолжать завоевание Китая и бить по СССР. Флот же считал: обороняться можно на севере, а наступать на юге – там больше доступного сырья.

Американский посол в Японии Джозеф Кларк Эдуард-Стёрджесович Грю – блестящий дипломат и аналитик – в беседе с Рузвелтом напомнил: для японцев очень важно не потерять лицо. Они очень болезненно воспринимают жёсткое эмбарго. Поэтому, если ввести его, то надо доводить до конца. А это неизбежно приведёт к войне: Япония окажется вынуждена выдвинуть флот для захвата нефтяных промыслов и терминалов на Яве и Борнео. Рузвелт ответил: в таком случае флот США легко встанет на пути японского.

В конце июня 1941-го – сразу после германского нападения на СССР – в Японии завершилось столкновение вариантов военных действий. Было принято однозначное решение: отложить удар по СССР и сконцентрироваться на южном направлении. Главная цель – нефть Ост-Индии. А для доступа к ней нужно обеспечить контроль над Индокитаем.

Точка удара

Решение было воспринято неоднозначно. Один из лучших японских военачальников – отличающийся творческими методами ведения боевых действий Исороку Садаёсич Такано (по приёмному отцу – Ямамото) – напомнил: сырьевые и производственные резервы Соединённых Штатов Америки настолько превосходят японские, что воевать с США – всё равно, что со всем миром.

Тем не менее Ямамото был преданным подданным императора и образцовым военным. Поэтому, когда решение приняли, ему оставалось только решать, как осуществить его. Ямамото оказался одним из самых творческих разработчиков военных планов.

Он поставил цель: нанести военно-морскому флоту противника непоправимый ущерб и подорвать моральный дух американцев. Точкой отсчёта послужил опыт русско-японской войны: в цусимском сражении он на крейсере «Ниссин» потерял два пальца. Ямамото считал решающим моментом войны атаку на русский флот в Порт-Артуре. Внезапный удар не только вывел из строя на несколько месяцев броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада», но позволил Японии захватить инициативу и дальше беспрепятственно высадить на суше превосходящие силы.

Единственным столь же эффективным вариантом оказался внезапный удар по Жемчужной Гавани – Pearl Harbor – на гавайском острове Оаху. Это была главная база тихоокеанского флота США. Разгром флота предотвращал американский удар во фланг японского вторжения в Нидерландскую Ост-Индию.

Правда, Ямамото предупредил: даже безоговорочная победа обеспечит Японии всего полгода беспрепятственных действий. За это время надо занять максимум возможного, дабы иметь чем торговаться на предстоящих переговорах. Начать же эти переговоры необходимо ещё до того, как американская промышленность займётся восполнением потерь флота.

Успеху японского удара немало способствовала война в Европе. Стратегический союзник США – Великобритания – находился в сложном положении. СССР казался безнадежно проигравшим: советское контрнаступление под Москвой началось всего за пару дней до японского удара, и его успех обозначился лишь после начала тихоокеанской войны. Поэтому основные силы американской политической и военной аналитики были заняты наблюдением за Германией. Японское направление осталось почти без внимания.

Правда, американские специалисты сумели расшифровать японские дипломатические коды (с военными это удалось сделать уже в ходе боевых действий). Но из громадного потока сведений не удалось своевременно вычислить реальный план Токио. Более того, американское политическое руководство не могло поверить в возможность столь дерзкого нападения – и вообще в техническую осуществимость столь масштабной операции.

Недопобеда

Удар оказался страшен. 4 линкора, 2 эсминца, 1 минный заградитель потоплены. 4 линкора, 3 лёгких крейсера, 1 эсминец серьёзно повреждены. 188 самолётов уничтожены, 159 тяжело повреждены. Погибло 2403 человека, ранены 1178. Для сравнения: японцы потеряли 29 самолётов, потоплены 5 сверхмалых подводных лодок, погибли 55 человек, 1 взят в плен.

Правда, японцы могли добиться куда большего.

В гавани не оказалось ни единого авианосца: все они за несколько дней до удара ушли на манёвры. Из этого любители теории заговора делают вывод: американцы ждали удара и отдали на растерзание то, чего не жаль. На самом деле даже сами японцы – не говоря уж об американцах – считали главной ударной силой флота не самолёт, а пушку. Жемчужную Гавань били с воздуха только потому, что артиллерийским кораблям вообще противопоказаны удары по берегу – их возможности куда легче проявить в открытом море.

Но куда важнее, что уцелела береговая инфраструктура: ремонтные доки, нефтехранилища, аэродромы. Причина тому – явная ошибка командующего.

Ямамото не мог непосредственно участвовать в атаке: он руководил всей широкомасштабной операцией в Юго-Восточной Азии, синхронизируя с ударом по американскому флоту захват ключевых точек британских и нидерландских владений. Поэтому ударной группой руководил Тюити Шузоич Нагумо – сверхисполнительный и сверхосторожный военачальник.

Ямамото по опыту русско-японской войны считал: атаку на Порт-Артур следовало довести до конца – потопить (а не просто вывести из строя) русские броненосцы даже ценой потери части японских миноносцев. Нагумо же не вышел за пределы изначально намеченного. Лётчики его отряда видели удачные результаты первых двух волн атаки. Они призывали провести третью – по нефтехранилищам и докам. Нагумо же предпочёл не рисковать: он опасался и недобитой береговой авиации, и возможного возвращения американских авианосцев. Более того, он даже не организовал полный опрос возвращающихся лётчиков и анализ их слов – а это уже грубая ошибка со штабной точки зрения: анализ показал бы, что опасность ответного удара пренебрежимо мала.

Вся японо-американская война в конечном счёте началась из-за нефти: её можно назвать углеводородной войной. Тем удивительнее, что громадный запас нефтепродуктов на острове Оаху остался цел. Легендарный адмирал флота Соединённых Штатов Америки Честёр Уильям Честёр-Бернхардович Нимиц отмечал: четыре с половиной миллиона баррелей нефти находились в наземных резервуарах, пробиваемых пулей крупнокалиберного пулемета. Буквально один самолёт очередью зажигательных пуль мог уничтожить все запасы. По оценкам многих специалистов, если бы Нагумо нанес третий удар, у японцев были бы в распоряжении не полгода, предсказанные Ямамото, а год-два: без нефти остаток американского флота оказался бы прикован к гавани и доступен добивающим ударам, а завезти новое топливо с континента – за несколько тысяч морских миль – и в мирное время сложно, а уж при морском господстве противника вовсе невозможно.

Приверженность Нагумо строгому исполнению первоначального плана можно сравнить разве что с поведением наполеоновского маршала Груши. Эта история столь поучительна, что её полезно лишний раз напомнить.

Наполеона погубила исполнительность

Через считанные недели после того, как Наполеон Бонапарт вернулся с острова Эльба во Францию, на плечах восторженных солдат был внесён в свой дворец и снова провозглашён императором, вновь разразилась война. Она была мало кому выгодна, но тем не менее стала неизбежной.

Наполеон честно попытался договориться с коалицией враждебных держав о взаимном ненападении. Страна устала от непрерывных войн с 1792-го по 1814-й год, обескровилась, была готова ещё много лет зализывать раны в мире с соседями. Император, успевший, помимо военных подвигов, дать стране новое – чисто буржуазное – законодательство, был склонен не столько творить новые чудеса, сколько пожинать плоды былых посевов.

Но поверить скоропостижному миролюбию былой грозы Европы было практически невозможно. Да и французская промышленность, взращённая в тепличных условиях континентальной блокады, могла зачахнуть под вольным ветром торговли с Британией – следовательно, могла в любой момент потребовать новой конфронтации. Независимо от воли крестьянского большинства французов самые зажиточные и влиятельные из них объективно нуждались если не в войне, то по меньшей мере во вражде с богатым островным соседом.

Как известно, поиск врага и жизнь в постоянном напряжении весьма выгодны всякой власти. Британские промышленники, давно уже занявшие ключевые позиции в структурах власти, намеревались воспользоваться всеми властными возможностями, чтобы предотвратить появление на континенте серьёзного конкурента. Все экономические предпосылки для войны были. Ружьё, висевшее на стене, не могло не выстрелить...

Довольно быстро выяснилось: за год изгнания «маленький капрал» не растерял военные навыки. Прежде всего, разумеется, тот, который полководцы революционной Франции успели за десятилетия противостояния всей Европе отточить до совершенства. Немыслимому численному превосходству противника можно было противопоставить только умение разделять его, и, добившись хотя бы временного перевеса, бить по частям. Генерал Бонапарт потому и стал императором, что применил эту технологию во внутриполитических битвах.

В 1799-м году он расколол лидеров республики так, что без особого труда преодолел сопротивление каждого.

Вот и теперь Наполеон блистал тем же искусством. По непролазной осенней грязи его армии носились, как по учебному плацу. Войска вражеской коалиции не успевали соединиться и разлетались от французских ударов во все стороны. Изгнав с поля боя пруссаков под командованием фельдмаршала Гебхарда Леберехта Кристиан-Фридриховича фон Блюхера, император отрядил маршала Эмманюэля дё Груши преследовать отступающих и отправился на охоту за последним в этой кампании противником – британцами, которыми руководил Артур Гаррет-Коллич Уэлсли, первый – то есть удостоенный титула за собственные заслуги – герцог Веллингтон.

Встреча самой блистательной армии с самой упрямой состоялась близ бельгийского городка Ватерлоо. Веллингтон выбрал самую удобную для обороны позицию. В осенней грязи его войска, как всегда, держались до последней возможности – даже когда сопротивление выглядело совершенно безнадежным. Чтобы прорвать британскую оборону, Наполеон бросил в бой последние резервы. Гром пушек даже сквозь туман разносился на десятки километров в ту пору – именно революцией введенных – километров.

Эту канонаду слышали Блюхер и Груши. Но выводы сделали разные.

Груши славился прежде всего дисциплиной. За всю свою военную карьеру он ни разу не оставил боевой приказ неисполненным хотя бы в самой мельчайшей подробности. Наполеон поручал ему труднейшие задания и был уверен в конечных результатах. За это и поднимал его по служебной лестнице. Высшее воинское звание Груши заслужил честно.

Блюхер же не зря слыл старым лисом. Приказы он, конечно, тоже исполнял, но так, что их авторы только диву давались. Вот и сейчас он исхитрился ночью оставить перед носом у Груши скромный арьергард – основные же силы увёл на выручку союзнику.

В авангарде Груши быстро почувствовали неладное. Слишком уж мало следов оставляла армия, за которой они гнались. А главное – слишком долго слышалась пальба у Ватерлоо. Если Веллингтон всё ещё не сломлен, не лучше ли прекратить преследование и помочь главным силам?

В конце концов генералы не выдержали – обратились к маршалу напрямую. Они не только сомневались в успехе своей погони, но и сознавали: если британцы переселят, бить пруссаков будет незачем.

Понимал это и Груши. Наполеон имел из кого выбирать: его маршалы действительно были цветом армии. Но за всю свою карьеру Груши ни разу не ослушался приказа. А тут приказ был прям и недвусмыслен: гнаться за пруссаками, не дать им оправиться и перегруппироваться.

Военный совет, проведенный на марше, не изменил ничего. Армия Груши продолжала погоню за призраком Блюхера. И с каждым шагом удалялась от Ватерлоо. Так что помощи Наполеону не предвиделось.

Правда, в обычных обстоятельствах помощь бы и не потребовалась. Последние французские резервы уже почти прорвали британскую оборону. Наполеон был в двух шагах от победы. И в этот самый момент войска Блюхера вырвались на поле боя – и упали на антинаполеоновскую чашу весов.

Из всех маршалов Наполеон выбрал для погони того, кто не мог нарушить приказ ни при каких обстоятельствах. Нерушимая исполнительность и безынициативность Груши оказывалась необходимой десятки раз. Но рано или поздно не могла не обернуться катастрофой. Опираясь можно только на то, что оказывает сопротивление. Великая империя рухнула, когда главной её опорой оказался человек без собственных решений, принимающий их по инерции, по давно известному и вроде бы апробированному образцу.

В этой ситуации сыграла роковую роль не только невозможность для маршала – как для человека военного – на свой страх и риск нарушить данный ему приказ. Конечно, с точки зрения военного это и в самом деле безумная идея. И, увы, она была достаточно безумна, чтобы оказаться верной.

Но важно ещё и то, что следовать букве инструкции, не вдумываясь в её дух, очень соблазнительно. В самом деле, особых духовных усилий для этого не требуется. А если случится что-нибудь непредвиденное (а тем более нежелательное), всегда можно свалить вину на тех, кто не предусмотрел соответствующий пункт в инструкции.

Хотя заранее ясно: никакая инструкция не может предусмотреть всего. Да и то, что в неё включено, ещё надо уметь применять!

Немцы и горючее

Сами немцы также сделали выводы из опыта Первой Мировой, не только доказавшей превосходство нефти над углём, но и создавшей множество видов боевой техники, вовсе невозможных без жидкого топлива. Правда, немцы после проигранной войны, естественно, не могли обзавестись месторождениями нефти. Приходилось импортировать её у победителей – американцев и румын (те вовремя подключились к Антанте).

Но даже в США – с богатейшими запасами нефти и развитой добычей и переработкой – в конце 1930-х почти половина используемой энергии добывалась из угля. Что уж говорить о Германии, где уголь издавна был легкодоступен! Его доля в совокупном энергообеспечении страны составляла 9/10.

Кроме того, в Германии ещё в XIX веке сложилась мощнейшая химическая школа и на её основе – первоклассная химическая промышленность. Поэтому ещё до начала Первой Мировой войны немецкий химик Фридрих Хайнрихович Бергиус разработал химическую реакцию синтеза жидкого углеводородного топлива из угля и воды. Десятилетием позже немцы разработали ещё одну оригинальную методику. Но процесс Бергиуса оказался эффективнее, да и позволял получать авиационное топливо (в синтетический бензин, полученный по другим технологиям, приходится в качестве антидетонатора вводить значительную долю бензола, так что при низких температурах, характерных для полёта на значительной высоте, смесь расслаивается). Поэтому концерн ИГ Фар-бендиндустри⁴³ освоил именно процесс Бергиуса, за что Бергиус и президент концерна Карл Карлович Бош удостоились нобелевской премии по химии.

Ещё до прихода нацистов к власти правительство Германии серьёзно поддерживало – например, налоговыми льготами – синтез углеводородов. Но только нацисты, считающие новую мировую войну неизбежной, в полной мере оценили стратегическую перспективу синтетического топлива и разработали план развёртывания крупномасштабного производства. На протяжении всей войны половина боевых и гражданских потребностей Германии в жидком топливе покрывалась синтезом.

Тем не менее на многих направлениях оставалась жизненно необходима натуральная нефть. Скажем, синтетическое авиатопливо оставалось заметно хуже прямогонного бензина, не говоря уж о крекинге. Поэтому Германия не только заключила долгосрочные соглашения (в 1940-м около трети потребления нефти Германией обеспечивал СССР, примерно 3/5 – Румыния, остальное покрывал импорт из Соединённых Штатов Америки через испанских посредников), но и вела военные операции с учётом наличия запасов нефти и нефтепродуктов. В частности, на завоёванных европейских землях эти запасы были громадны. Но этого

⁴³ Industrialgesellschaft Farbenindustrie Aktiongesellschaft – промышленное акционерное общество красочной промышленности.

мало. Адольф Алоизович Хитлер – стратег куда более высокого уровня, чем кто бы то ни было из его генералов – был совершенно уверен: ресурсная независимость Германии может быть построена только на украинском чернозёме и кавказской нефти. Цель его нападения на СССР – при всей очевидной идеологической ненависти к коммунизму – прежде всего экономическая. Не зря он любил повторять: «Мои генералы ничего не смыслят в экономических аспектах войны».

Правда, были и многие иные мотивы. В частности, традиционная британская политика формирования на континенте равноценных противоборствующих сил могла после капитуляции Франции опираться только на СССР. Хитлер полагал: если разбить СССР (что представлялось ему несложным: германская разведка не располагала серьёзными сведениями о нашем военном и хозяйственном потенциале, а сложность зимней кампании против Финляндии представлялась свидетельством нашей слабости), Великобритания капитулирует.

Сказывались и личностные мотивы. Хитлер и Джугашвили были руководителями совершенно разного стиля, но близкого масштаба. Хитлер полагал: двум железным канцлерам в одной Европе не ужиться.

Но всё же ключевой причиной стала наша обеспеченность ресурсами. Не только хозяйственными, но и, например, пространственными. Не зря в рамках разработки плана вторжения в СССР казачий генерал Пётр Николаевич Краснов, эмигрировавший после поражения в Гражданской войне, получил заказ на исследование военной кампании Наполеона в России.

Кроме того, ход боевых действий в 1940—1-м годах показал: прямое нападение на Британию технически невозможно. Германия не могла в разумные сроки создать что-то способное противостоять британскому флоту хотя бы на несколько часов десантной операции. Господство в воздухе ей завоевать не удалось: британские истребители после некоторого периода обучения стали справляться с германскими бомбардировщиками, даже если их сопровождали свои истребители (уже потом немцы узнали: британские радары – вид техники, недооценённый немецкими военными – засекали столь ранние стадии авианалёта, что позволили сосредоточивать на любом направлении немецкого удара едва ли не весь английский авиапарк).

Вдобавок в Британии были довольно сильны симпатии к нацистской идеологии. Собственно, немцы в основном позаимствовали расизм у англичан, да и их самих считали представителями всё той же арийской расы, к которой причисляли самих себя. Продолжение прямых боевых действий грозило подорвать симпатии, тогда как после капитуляции СССР, по немецким расчётам, британцы склонились бы к сотрудничеству с немцами.

Прекратив попытки выбомбить Британию из войны, Хитлер получил серьёзные пропагандистские козыри, позволяющие консолидировать против СССР почти все силы Европы. Даже немалое число французов, только что разбитых немцами, вошло в добровольческие формирования (по иронии судьбы крупнейшее французское соединение в составе сил вторжения оказалось разбито на Бородинском поле). А уж экономика Европы и подавно работала на Германию, позволяя ей поставить под ружье почти всех здоровых мужчин.

Хитлер должен был действовать быстро. Он не мог не понимать: СССР стремительно модернизирует вооружённые силы. Мы начали формировать полноценную призывную армию с длительным обучением в строю только через два года после Германии – в 1937-м. Но по мере накопления обученного резерва немецкая фора утрачивала значение. Да и новое поколение боевой техники, хотя и не вполне известное немцам, было у нас на подходе.

Хитлер замыслил удар прежде всего по экономически важным регионам СССР – промышленному Донбассу и нефтяному Кавказу. Но в ходе разработки операции «Барбаросса» генералы уговорили нацелить главные силы на Москву. По их расчётам СССР для защиты столицы должен был стянуть все силы, и появлялась возможность одним ударом уничтожить всю нашу военную мощь.

Действительно, удар Германии с союзниками по СССР оказался столь силён, что вызвал шок не только в нашей стране, но и по всему миру. В центре мы стремительно отступали. Но не в последнюю очередь – потому, что главные силы у нас были сосредоточены на юге. Это позволило эвакуировать почти все предприятия одного из главных промышленных районов страны и воспрепятствовать прорыву немцев к главным регионам нефтедобычи. Трудности продвижения немецких колонн были вызваны не только нашим сопротивлением (и уж подавно не погодными условиями: те и нашим манёврам препятствовали), но и нехваткой топлива: немцам приходилось везти его за тысячи километров.

После отступления от Москвы Хитлер планировал кампанию 1942-го года с прицелом именно на южное направление. Удар на Сталинград, ставший символом советского непреклонного сопротивления, был по замыслу всего лишь прикрытием прорыва на Кавказ. Даже когда войска под Сталинградом оказались под угрозой и требовали резервов, Хитлер ответил: либо бакинская нефть – либо поражение.

Вдобавок советские нефтяники разработали новые способы временного выведения скважин из строя. Даже захватив Майкоп и Грозный, немцы не смогли вывезти оттуда ни капли нефти. Мы же через считанные дни после освобождения нефтепромыслов возобновили добычу.

Был у немцев и план захвата ближневосточной нефти. Но даже легендарный «лис пустыни» Йоханнес Эрвин Ойген Эрвинович Роммель не смог прорваться из Ливии через Египет к Суэцкому каналу. Ему просто не хватило войск. При прочих равных условиях для успешного наступления нужно трёхкратное превосходство над обороняющимися. Англичане после долгих неудач научились обороняться при трёхкратном превосходстве над наступающими. А уж когда накопилось десятикратное превосходство, Бернارد Ло Хенрич Монтгомери – впоследствии фельдмаршал и кавалер советского ордена Победы – смог даже перейти в медленное наступление и в конце концов перемолоть итальянские войска, усиленные немецким экспедиционным корпусом.

Немецкое снабжение жидким топливом рухнуло во второй половине 1944-го. В августе советские войска заняли Румынию, и нефтепродукты с промыслов в Плоешти потекли в наши баки. А к концу года союзные стратегические бомбардировщики наконец-то занялись промышленностью, а не жилыми кварталами, и перемололи основные заводы синтеза углеводородов.

В конце 1944-го немцы предприняли контрудар по союзникам через Арденнский лесной массив, традиционно считающийся непроходимым для боевой техники, но ещё в 1940-м успешно пройденный немцами. Союзные войска оказались рассеяны. Но немцам просто не хватало топлива: и так на это наступление изъяли едва ли не все запасы из других армейских частей. Между тем в районе немецкого наступления хранились громадные англоамериканские запасы горючего. Но немцы не знали об этом, не нацелили удар туда, не захватили то, что позволило бы им успешно продолжить движение. И в январе их войска остановились, после чего союзники продолжили наступление.

В очередной раз подтвердилось: в большом деле мелочей нет!

Впрочем, эта же истина верна не только в войне, но и в том, чьим продолжением она – по выражению Карла Филиппа Готтлиба Фридрих-Габриэлевича фон Клаузевиц – является: в политике. И в том, чьим концентрированным выражением – по выражению Владимира Ильича Ульянова – является сама политика – в экономике.

Кто виноват?

Из всех проклятых вопросов России этот – любимейший. Хотя ответ на него вряд ли приносит реальную пользу. В этом смысле куда важнее другой проклятый вопрос: «Что делать?»

Но если даже действительно выяснишь, что, – делать всё равно придётся самому. А это тяжело, скучно и противно. Решать, кто виноват, и обращаться на очередного виновника своих бед гнев столь же праведный, сколь и бесполезный, не в пример приятнее. Так что любовь к главному проклятому вопросу вряд ли когда-нибудь изгладится из наших сердец.

Виновными в наших неудачах числились некогда «враги внутренние – поляки, жида и студенты». Затем почётную роль козла отпущения взвалили на буржуев. Затем начались поиски шпионов, саботажников и прочих врагов народа. Побывали виновниками любители джаза, стилиаги, диссиденты...

С марта 1985-го поиск виновных ускорился настолько, что с тех пор и по сей день в массовом сознании одновременно оказываются преступниками коммунисты и масоны, про-иски инородцев и пассивность русских, воспетая Адамом Смитом «невидимая рука рынка» и помянутая в классическом анекдоте «наша главная разрушительная сила – Госплан».

Понятно, единой причины наших бедствий – и соответственно единственного их виновника – в природе не существует. Но интересно всё-таки найти хотя бы того, чей камешек стронул с места лавину событий уже неудержимую.

Всякое расследование поневоле неполно. Но всё же рискнём представить суду истории того, кто последним нажал на спусковой крючок. Это – ныне покойный президент Египта Анвар Мухаммадович Садат.

Ограниченность возможностей плановой экономики выявилась ещё на заре социалистической индустриализации. Почему – стало ясно лишь в конце 1970-х; да и то – академик Виктор Михайлович Глушков опубликовал математическое доказательство таким эзоповым языком написанное, что и по сей день его немногие знают. Только сейчас информационные технологии приближаются к уровню, обеспечивающему эффективность плана сразу на всех направлениях. По нынешним расчётам, этот рубеж будет достигнут к 2020-му году. Пока же плановое хозяйство может из одного и того же набора ресурсов извлечь заметно меньшее суммарное количество благ, чем рыночная экономика. Правда, на любом заранее выбранном направлении план даёт куда больше рынка – не зря даже в самых рыночных странах существует множество государственных программ. Но любой такой прорыв покупается ценой существенных потерь на других направлениях. Если же двигаться нужно во все стороны одновременно – план неизбежно оказывается далеко не лучшим инструментом.

Недаром в годы войны, когда ежедневно приходилось ожидать неожиданностей, плановую дисциплину резко ослабили. С директоров спрашивали лишь за основные виды конечной продукции. Но они получили право самостоятельно разбираться с производством полуфабрикатов, искать сырьё, даже делать по просьбе смежников что-нибудь нужное, не вымаливая разрешения у начальства. Благодаря этому темпы развития промышленности в жуткие военные времена оказались чуть ли не выше, чем в изобильные мирные.

А после войны экономисты принялись разбираться в случившемся. Обсуждали столь серьёзно, что отцу народов пришлось лично участвовать в споре. И даже его мудрые указания и гениальные прозрения не стали последним словом. Случай дотоле невиданный! Но вполне марксистски обоснованный. Экономика – основа общества. В её проблемах надлежало разобраться всерьёз.

Под знаком экономической дискуссии прошла и вся хрущёвская оттепель. А поскольку погода была почти вегетарианская и говорили куда свободней прежнего, то к началу шести-

десятих подготовили вполне стройную программу экономических реформ, дополняющую план рынком.

Жаль только, самому Никите Сергеевичу Хрущёву так и не пришлось⁴⁴ эту программу воплотить в жизнь. Но когда его съели, проблемы в экономике никуда не сбежали. Главный политик – генеральный секретарь компартии Леонид Ильич Брежнев – был этим, конечно, весьма огорчен. Но главный хозяйственник – председатель совета министров Алексей Николаевич Косыгин – умел не только смириться с неизбежным, но и других смирять. Пленумы ЦК 1965-го года разрешили реформировать экономику: в марте – сельское хозяйство, в сентябре – промышленность.

Естественно, дубогрызы из ЦК и Госплана сопротивлялись отчаянно. Хотя бы потому, что самостоятельность предприятий оставляла их не у дел. Но реформы пробивались сквозь любое сопротивление. Ибо были необходимы.

Причину этой необходимости объяснил Косыгин на XXIV съезде КПСС в 1970-м. Небывалый в истории партии случай: экономический доклад предсовмина был больше политического доклада генсека! И прелюбопытный, между прочим, доклад – кто не знаком, прочтите! Во всех изобильных речах Михаила Сергеевича Горбачёва за первые полтора года царствования не было ни одной мысли, не помянутой в этом докладе Косыгина.

А основная идея доклада проста.

Все резервы экстенсивного – вширь – развития советской экономики уже исчерпаны. Почти все работоспособные работают, так что даже рождаемость падает из-за чрезмерной занятости женщин. Дешёвые сырьё и энергия кончаются. Новые шахты, скважины, ГЭС приходится ставить в местах, для жизни не предназначенных: Саянск, Енисей... Техника уступает западной во всех областях, кроме военной, где равенство возможностей достигнуто немислимыми расходами (даже Косыгин не рискнул сообщить истинную их сумму).

Единственный возможный путь дальнейшего развития страны – интенсивный: вглубь. С применением всех новейших достижений науки и техники: готовился даже специальный пленум ЦК, посвящённый научно-техническому прогрессу. С использованием резервов структурных, организационных – ими до того занимались больше на словах, чем на деле.

Для всего этого производителям нужна максимальная свобода. Никто в центре не сможет определить, что нужно менять на местах. Управлять предприятиями в приказном порядке, как раньше, не получится. А чтобы добиваться результатов, нужных обществу в целом, и в то же время не душить всякую инициативу, нужно взамен прямых, командных методов управления срочно осваивать косвенные. То есть экономические. Благо методы эти всему миру давно известны. Да и в Союзе к моменту доклада уже лет пять применялись.

И применялись успешно. Восьмая пятилетка – первая, по большинству основных показателей выполненная на уровне оптимальной, а не минимальной версии плана. Практика убеждала: управлять хозяйством чисто экономически можно. Теория напоминала: иначе, нежели экономически, управлять всё равно не получится.

Словом, СССР уверенно шёл по пути, получившему в 1980-х название китайского...

6-го октября 1973-го года верховный главнокомандующий и президент Египта Анвар Садат отдал своим войскам приказ, которого они давно ждали. Мощные направленные взрывы перекрыли Суэцкий канал несколькими дамбами. По этим дамбам танковые колонны египетской армии пошли в наступление по Синайскому полуострову.

Поначалу наступление развивалось успешно. Ведь началось оно в день, именуемый в иудаизме Судным – когда бог взвешивает всё сделанное каждым человеком за прошедший год и решает: оставить этого человека на земле ещё на год или пора его убивать? Есте-

⁴⁴ Скорее – не хотелось: по складу характера он был типичным троцкистом – приверженцем быстрого применения крайних мер, несовместимого с экономикой.

ственно, каждый правоверный иудей в этот день пытается замолиť все грехи. И основанный на вере Израиль даже армию в этот день почти всю распускает по домам для молитв. Так что полосу укреплений вдоль Суэцкого канала защищали только патрули, смятые в первый же день Войны Судного дня. Перед египетскими танками открылась крошечная – несколько часов на автомобиле – страна.

Но Израиль потому и может всю армию на выходные отпускать по домам, что он крошечный. Сбор всей действующей армии занял день. Призыв резервистов – ещё два. К концу первой недели войны наступающие египетские колонны были фланговыми ударами отрезаны от канала. Лишены снабжения. Обречены на разгром.

Впрочем, дожидаться разгрома никто не стал. По тем же египетским насыпям Суэцкий канал форсировали уже израильские войска. И двинулись на Каир.

Вот тут уж весь арабский мир закричал: «Наших бьют!» И быстро нашёл ответный удар. Поставка арабской нефти Западу прекратилась. Как объявили – до возвращения всех войск на исходные позиции.

СССР и США давили на Израиль совместно. Вернуть войска удалось уже 24-го октября. Но за эти дни цена нефти на мировом рынке подскочила в несколько сот раз. Ведь до того она поставлялась бесперебойно, и серьёзных запасов Запад не делал. Да и было куда расти: в те блаженные времена бензин был во много раз дешевле лимонада.

Бедные арабские страны впервые почувствовали: запах нефти – это запах денег. В рамках Организации Стран-Экспортёров Нефти (Organization of Petrol Exporting Countries) договорились. Стали продавать в час по чайной ложке, чтобы поддержать высокую цену. К концу 1973-го нефть на мировом рынке стоила в сотни раз дороже, чем в начале года.

Страны Персидского залива в одночасье стали сказочно богаты. Сокровища «Тысячи и одной ночи» бледнеют перед роскошью Кувейта и Саудовской Аравии. Даже на поддержку тех арабских стран, кому Аллах нефти не дал, и то денег хватает...

СССР всегда стремился к самоизоляции. Но мимо такого изменения рыночной конъюнктуры пройти непозволительно. Ведь даже безнадёжно глубокая, далёкая и замороженная тюменская нефть стала не просто рентабельна, а способна озолотить своих хозяев. Хозяин во всенародном государстве, естественно, всенародная партия. И богатства она использует по своему научному разумению.

Реформы вынуждены тем, что иного способа удержать нашу экономику на плаву не было. Раз он появился – реформы можно сворачивать. И свернули.

XXV съезд прошёл без специального экономического доклада. Зачем? Проблем в экономике больше нет. Да и пленум по научно-техническому прогрессу не состоялся – все достижения можно спокойно купить там, где прогресс идёт без пленумов.

Главного реформатора Косыгина задвинули на второй план. Настолько далеко, что вопреки обычаю вывели из политбюро после ближайшего же инфаркта. Так что умирал он уже рядовым членом ЦК.

Хозяйственную самостоятельность предприятиям давали долго, с оговорками, с конфликтами. Зато отобрали практически мгновенно. План десятой пятилетки был свёрстан в лучших традициях времён принудительного энтузиазма.

Лёгкая (включая пищевую) промышленность в нашей юной Советской стране всегда была бедной родственницей. Все средства государства расходовались на промышленность тяжёлую, а лёгкой доставалось что осталось. В рамках косыгинских реформ пришлось от традиции этой отступить: ведь именно лёгкая промышленность даёт живые деньги. И именно она определяет, что нужно самим людям, следовательно – куда развивать экономику. Измена принципам прекратилась легко и радостно. С 1975-го 90 % амортизационных отчислений – денег на ремонт и реконструкцию – лёгкой промышленности через госбюджет перекачивалось на финансирование военно-промышленного комплекса.

А чего гражданам не хватало – закупали за рубежом на нефтедоллары. Оно, конечно, дороже, чем самим делать. Зато проще. И можно какой-то процент от суммы сделки получить за содействие её заключению.

Закупались время от времени и целые предприятия. Во-первых, чтобы отечественное машиностроение не отвлекалось от высоких (и, как показал последующий опыт, реальных, хотя и далеко не единственно необходимых) задач военного противостояния всему миру. Во-вторых, с такой масштабной сделкой и отчисления серьёзнее. Чтобы в личном кармане пару лишних тысяч завелись, можно казённый миллион другой и потратить.

Нефти хватало на всё. И впредь должно было хватать. Ведь запасы её – как и любого другого сырья – ограничены. О чём в те годы неустанно напоминали экологи. А потребности человечества безграничны. Стало быть, нефть и в дальнейшем согласно науке дорожать обязана...

Только экология – не единственная на свете наука. Примерно в те же годы профессор экономики Мэрилендского университета Джулиан Саймон предложил пари: цена любого сырья в ближайшие десять лет упадёт.

Вызов принял крупнейший из лидеров экологического движения, всемирно известный профессор экологии Стэнфордского университета Пол Эрлих. Он выбрал для пари пять видов сырья, пять металлов: вольфрам, медь, никель, олово, хром.

Выбор разумный. Вольфрам – основа жаростойких сплавов, необходимых энергетике, и керамики для металлообрабатывающих инструментов. Медь – протянутые по миру провода: линии связи, электропередачи, электродвигатели... Никель и хром – нержавеющие стали, защитные покрытия. Олово – защита консервных банок и медной посуды. Всё это отрасли необходимые и быстроразвивающиеся. По мере их роста цена сырья обязана вырасти!

А через десять лет Пол Эрлих вынужден был публично заплатить Джулиану Саймону за проигранное пари. И никто из экологистов более не рискует этот вызов принять. Подвёл их технический прогресс.

Действительно, в момент заключения пари цены всех выбранных Эрлихом металлов росли. Поэтому инженеры искали способы обойтись без дорогого сырья. И нашли.

Режущий инструмент – не из карбида вольфрама, а из порошка корунда: окись алюминия составляет чуть ли не десятую долю земной коры, входит в любую глину, её запасов хватит миру на миллионы лет. По этой же причине алюминий потеснил медь из проводов. А в системах связи на место меди пришло стекловолокно (сырьё для него – обычный песок). Слой олова на консервных банках тоньше в десятки раз – защиту их ныне обеспечивают прежде всего синтетические лаки. Усовершенствованы способы нанесения хромовых и никелевых покрытий: они стали плотнее – значит, можно их делать тоньше. Да и сплавы найдены новые, с меньшим содержанием вольфрама, никеля, хрома.

Конечно, больше этих металлов на Земле не стало (разве что никелевые месторождения нашлись новые). Но потребляют их куда меньше. И цена упала.

Не зря Маркс и Энгельс учили: когда у общества появляется потребность, она движет науку вперёд больше, чем десятки университетов. Жаль только, наши вожди от Хрущёва и до Горбачёва включительно – марксисты как раз того толка, о которых сам Карл Хайнрихович говорил: «Я не марксист...»

Запад, лишившийся дешёвой энергии, принялся искать пути экономии. Расход бензина на единицу автопробега сократили за десять лет в два с лишним раза. Здания получили новую теплоизоляцию – многократно уменьшились отопительные расходы. Технологии всех производств менялись в сторону меньшей энергоёмкости.

Снизилась потребность в энергии – упала и цена нефти. В начале 1980-х нефть на мировом рынке стоила на порядок меньше, чем в начале 1974-го. И продолжала дешеветь.

Нынче с учётом общей инфляции нефть немногим дороже, чем до войны Судного дня. Если сравнить её с твёрдыми ценностями вроде золота, а не с непрестанно обесценивающимся долларом.

Арабские эмиры и шейхи это предвидели. Проели только незначительную часть доходов. Вклады в банки и промышленность Запада прокормят Ближний Восток и после того, как нефтяные моря исчерпаются. И собственную промышленность арабы за десять лет изобилия выстроили. Нам бы так!..

Юрий Владимирович Андропов мог – и обязан был прошлой своей работой председателя комитета государственной безопасности – на посту генсека требовать в первую очередь дисциплины и порядка. Но бывшее ведомство Юрия Долгорукого располагало сведениями куда более достоверными, нежели новое. В ЦК всю неприятную информацию отсеивали ещё на нижних этажах иерархии, а в КГБ кое-что даже до верха добиралось. Так что неизбежность возобновления реформ новый генсек понимал чётко. И все его конкретные шаги в экономике сводились к косыгинской программе. Какими бы грозными словами она ни оформлялась.

Но раскрутить реформу во второй раз было куда тяжелее, чем в первый. Компенсировать неизбежные потери было уже нечем – попытка стать сырьевым придатком промышленного мира провалилась. А бюрократия помнила, как сложно пытаться командовать предприятиями, получившими хоть каплю самостоятельности. И тормозила любой разумный реформаторский шаг.

Не зря преемником Долгорукого стал не давно ожидавшийся – и самим Андроповым указанный – Горбачёв, а Константин Устинович Черненко. Конечно, сделать что бы то ни было он был заведомо не способен. Уж хотя бы потому, что (подобно Михаилу Андреевичу Сулову и Геннадию Андреевичу Зюганову) всю жизнь провёл на идеологической работе. То есть ничего конкретного и не делал. Только следил, чтобы никто в зоне его досягаемости не пытался думать. Зато чиновники были уверены: этот КУЧер погонять не будет.

Благополучно потеряли ещё год. Соответственно цена нефти ещё упала. И Горбачёву не осталось уже никаких средств смягчить боль от реформ. Боль от той самой раны, которую некогда нанёс нашему развитию президент Египта Анвар Садат.

Правда, кроме Садата, для этой раны понадобились и другие арабы.

Ценовое оружие

Треть всех нефтяных запасов капиталистического мира в 1970-е годы принадлежала Саудовской Аравии. Причём запасы эти расположены так удобно для добычи, что себестоимость нефти в этой стране наинизшая в мире. Поэтому именно Саудовская Аравия взяла на себя ответственность за балансировку нефтяного рынка. В рамках Организации стран-экспортёров нефти (Organization of Petrol Exporting Countries – ОПЕК, или в кириллической транскрипции ОПЕК) она в наибольшей степени меняла объём собственной нефтедобычи, попутно понуждая остальных членов ОПЕК делать то же самое.

Министр нефтяной промышленности Саудовской Аравии Ахмед Заки Хасанович Ямани постоянно напоминал партнёрам: нефть – товар стратегический, поэтому его – в отличие от ряда других товаров, неограниченно производимых в рамках рыночной экономики – нельзя отдавать на откуп повседневным колебаниям рынка, не говоря уж обо всех видах спекулятивных действий. Сказано ещё в начале 1980-х, но звучит вполне современно.

Вообще Ямани – один из масштабнейших стратегов XX века. Правда, он был всего лишь министром. Но нефтяной промышленности. Но в стране, занимающей лидирующие позиции в нефтедобыче. Но в век, с первого до последнего своего дня замешанный на нефти.

Когда процессы на нефтяном рынке стали выходить из-под контроля и нефть дорожала уже безудержно, многие попытались сыграть на этой конъюнктуре. Уже осенью 1979-го Иран и Ливия резко повысили объём продаж. Да и страны, не входящие в ОПЕК, с удовольствием накачивались нефтедолларами. Великобритания, Нидерланды, Норвегия в гоночном темпе осваивали шельф Северного моря. СССР развернул в северотюменских болотах громадный промысел. На него арабы особо обижались: постоянно заявляя о дружбе с ними (и во многих – например, военных – вопросах действительно сотрудничая), СССР в то же время на нефтяном рынке вёл себя как штрейкбрехер.

Ямани отметил: нефтедобытчики теряют контроль над процессом. Он также подчеркнул: уже чувствуется обратный процесс – ослабление спроса. И предсказал катастрофические процессы в мировой экономике. По его мнению, мировой нефтяной рынок превратился в восточный базар. Он заявил производителям нефти: рынок скоро будет залит ею – обрушение цен на пороге. Ямани поставил конъюнктурщикам безжалостный диагноз: они слишком жадны и за это ещё жестоко поплатятся.

Саудовская Аравия несла бремя балансира всего мирового рынка. Эта нагрузка вышла ей боком. С 1981-го по 1985-й нефтяные доходы страны упали в 4,5 раза. Тот же Ямани заявил: нефть – политическая сила, принявшая максимальное значение в 1973-м, а ныне может и вовсе обнулиться. Экспортеры – прежде всего Саудовская Аравия – теряли не только деньги, но и влияние.

В начале 1980-х нефтедобыча в Саудовской Аравии стала меньше, чем на шельфе Северного моря. Саудиты осознали, что поддерживали мировую цену, снижая собственную добычу, но сливки снимали другие – прежде всего вовсе не входящие в ОПЕК. Страна приняла меры. До всех нефтедобытчиков, включая независимых, довели заявление: потеря рынка происходит вследствие манипуляций (в том числе и сверхквотной добычи в странах ОПЕК), так что Саудовская Аравия умывает руки – готова пойти на широкомасштабный демпинг для возврата своей доли рынка, и пусть больше никто не рассчитывает на саудовский нефтяной балансир.

Эта мера была ещё и технически вынужденной. Практически вся местная энергетика питалась попутным – растворённым в нефти под давлением и выходящем из неё на поверхности – природным газом. По мере вложения нефтедолларов в инфраструктуру и быт росла

потребность Саудовской Аравии в электроэнергии. Поэтому и снижать добычу ниже уровня, обеспечивающего покрытие этой потребности, страна не могла.

К середине 1980-х саудовский демпинг сказался на всём нефтяном рынке. Официально согласованные в рамках ОПЕК квоты и цены исчезли. Рынок стал стихийным. Все нефтедобытчики, опасаясь слишком много потерять на падении цены, наращивали своё предложение и тем самым ускорили падение.

В конце концов ценовой обвал вызвал всеобщий шок. Норвегия срочно вышла на связь с Ямани в надежде договориться. Даже СССР, дотоле высокомерно отвергавший предложения ОПЕК о координации, попытался найти путь переговоров. Но было уже поздно. Раньше на нефтяном рынке случались кризисы недопроизводства, а теперь началось классическое перепроизводство.

Вдобавок продолжалось падение спроса благодаря технологическому перевооружению. Не зря всё тот же Ямани в ответ на экологические страшилки о непрерывном подорожании нефти вследствие ограниченности её запасов отвечал: каменный век кончился не потому, что исчерпался запас булыжников.

Обрушение цен очень болезненно ударило по экономике Великобритании, Нидерландов, Норвегии. Но их экономики были достаточно диверсифицированы, чтобы оправиться от этих потрясений, развить временно заглушенные отрасли, возобновить взаимосвязи. СССР же – усилиями Брежнева с Суловым – слишком зависел от импорта – пусть и небольшого по сравнению с собственным производством, но касающегося многих критических сфер. Поэтому и не выдержал удара, вроде бы несравненно меньшего, чем многое, что уже случилось в нашей многострадальной истории.

Игры на коммуникациях

Сегодня углеводородная стратегия охватывает не только месторождения и квоты, но и транспортировку. Многие интриги этого рода так или иначе связаны с легендарным польским и американским стратегом Збигневом Казимежем Тадеушевичем Бжезинским. Вдобавок он интересен не только размахом своих построений, но и обилием просчётов в них.

Бжезинскому далее посвящён отдельный раздел книги. Здесь же коснёмся только просчётов, связанных с его родной Польшей. Он по сей день пытается управлять её руководителями, дабы сделать Польшу главным ударным звеном в осуществлении его плана отрыва Украины от России.

Конечно, болезненную точку он указал правильно. Разрыв делает обе республики неполноценными. Стратегически значимым может быть только их союз. Но что получила от раскола, активно поддержанного ею ещё и в силу исторических привычек многовековой давности, сама Польша?

Дабы экономически и политически поддержать Украину (а заодно и сохранить собственные доходы от транзита российского газа в Германию), Польша всю свою политическую мощь бросила на блокирование строительства газопровода «Северный поток». Но европейские тяжеловесы приняли сторону России. Не из-за наших красивых глаз: просто им не хотелось зависеть от страны, слишком ангажированной политически, да вдобавок прославленной многовековыми капризами. Очевидно, теперь весь газ из осваиваемых ямальных месторождений пойдёт в «Северный поток» именно потому, что Польша изрядно испортила свою репутацию. Теперь её транзитный доход будет только падать. Особенно с учётом скорого завершения срока действия существующего соглашения с нею по транзиту российского газа: вряд ли новое соглашение будет столь же выгодным для неё. А «потoki» – сперва «Северный», затем «Южный» – сделают Россию и её западноевропейских партнёров независимыми от капризов и Польши, и Украины.

Немалую надежду Польша возлагала на сланцевый газ. Благо в Соединённых Штатах Америки он нынче в моде. Но его добыча требует – по сравнению с классическими месторождениями – бурения куда большего числа скважин, закачки в пласты куда большего объёма химикатов, отделения от добытого газа куда большего количества загрязнений. В США хватает пустынных мест, где всё это можно организовать, да и бурового оборудования сейчас скопилось очень много. Европейские же страны – в том числе и Польша – слишком густо населены, чтобы портить свою природу.

К сожалению, Польша – не без влияния Бжезинского, да и сходных с ним местных орაკулов – страдает той же болезнью, что и Советский Союз. Вопреки словам Ульянова «политика – концентрированное выражение экономики» наши руководители, начиная по меньшей мере с Ульянова и по сей день, ставят политику выше экономики.

У американцев с нами хватает политических разногласий – но, например, американская компания Exxon Mobil заключила многомиллиардный контракт на разработку российских месторождений углеводородов. Японцы всё ещё пытаются выпросить острова, потерянные по итогам Второй Мировой войны – но с нами сотрудничает несметное множество японских фирм. А Польша идёт впереди планеты всей, пытаясь – по старой памяти, идущей ещё от Средних веков, когда она претендовала на роль региональной великой державы, – бороться с Россией. Это может способствовать консолидации на националистической почве. Но такая почва слишком зыбка по сравнению с экономической. Без экономического же фундамента никакой политический дом не устоит.

Вдобавок Польша – в отличие от США или Японии – не располагает ни технологиями, интересными для нас, ни рынком, соответствующим нашему масштабу. Поэтому ей при всём желании вряд ли удастся стать на переговорах с Россией столь же значимой, как эти страны.

Словом, предложенную Бжезинским игру Польша безнадежно проигрывает. Правда, ему самому важно лишь, что Польша тянет за собою на энергетическое дно и Украину, согласно его замыслу отрывая её от остальной России. Но рады ли сами поляки, что для Бжезинского его родина – лишь одна из множества фигур на воспетой им всемирной шахматной доске?

Альтернативы нет

Вдобавок все аналитики – в том числе и связанные с крупными энергетическими компаниями – предсказывают: по меньшей мере в ближайшие два десятилетия никакой альтернативы углеводородному топливу (в том числе и новомодной солнечной или сельскохозяйственной) не предвидится.

Один из учеников Бжезинского – президент США Обама – в недавнем обращении к конгрессу немалое внимание уделил добыче углеводородов. В частности, он одёрнул компании, добывающие газ из сланцевых месторождений: они извлекают прибыль, но одновременно подрывают жизненные основы страны, разрушая природную среду. Обама провозгласил необходимость продолжить и даже расширить – по меньшей мере до трёх четвертей доступного шельфа – разработку морских нефтяных и газовых месторождений.

Обама не уделил особого внимания высоким технологиям вроде Кремниевой долины. Он взял курс на американскую самодостаточность в нефтедобыче. Вполне понятно, что череда спровоцированных (или по меньшей мере усиленных) американцами кризисов на Ближнем Востоке рано или поздно затронет и главных союзников самих США – включая Саудовскую Аравию. А многие другие серьёзные поставщики – вроде Ирана и Венесуэлы – вряд ли согласятся сотрудничать с США после многолетних американских усилий по их дестабилизации, даже если эта дестабилизация чудом прекратится. Поэтому США, чтобы вести самодостаточную стратегию, должны сами обеспечить себя нефтью.

На наш взгляд, США имеют моральное право на беспрепятственное обеспечение себя нефтью из внешних источников хотя бы в силу того, какую роль сыграли ограничения доступа к нефти во Второй Мировой войне. Да и вообще мир многим обязан Америке. Но вовсе не до такой степени, чтобы позволить ей вести себя как слон в посудной лавке. Фраза «над нашей американской нефтью поселился какой-то народ» не должна выйти за пределы анекдота.

России тоже следует извлечь уроки из речи Обамы. Не нужно пытаться противопоставлять ориентацию на углеводородное сырьё высоким технологиям. Надо соединить высокие технологии с нашим углеводородным потенциалом.

Россия умеет добывать труднодоступную нефть. И – что ещё важнее – умеет перерабатывать даже очень неудобную нефть: высокосернистую, высокопарафинистую... Правда, пока наша переработка неглубока: доля лёгких углеводородов, получаемых нами из нефти, куда меньше, чем в других развитых странах, хотя немалую часть химических технологий, нужных для расщепления тяжёлых молекул на лёгкие, разработали именно наши учёные. Дальнейшее развитие углеводородных технологий, очевидно, можно реализовать только с участием крупных нефтяных и газовых компаний. Прецеденты уже имеются. Например, первая вертикально интегрированная нефтяная компания России – «ЛУКОЙЛ», судя по всему, не собирается ограничиваться одной вертикалью. Уже начато освоение «горизонталей». В частности, развёрнуты широкомасштабные работы по использованию солнечной энергии. В то же время на Ярегском месторождении тяжёлой нефти, принадлежащей «ЛУКОЙЛ», не только ведётся добыча в опытно-промышленном режиме шахтным методом, но вдобавок компания образовала альянс со специализированной структурой по добыче титана. Взвесь титановых руд поднимается здесь из недр вместе с нефтью. Создано специализированное инновационное подразделение «ЛУКОЙЛ-Инжиниринг» с целью создания к 2013-му году полноценного научно-технического бизнес-сегмента. Здесь как нельзя кстати слова гения русской поэзии Пушкина «Его пример – другим наука».

Да и вообще мы должны рассматривать нефть прежде всего как источник ценного химического сырья. Другой наш гений – Менделеев – говаривал: нефть не топливо – топить

можно и ассигнациями. Кстати, Дмитрий Иванович живо интересовался углеводородными технологиями. Именно он – автор идеи трубопроводного транспорта для нефти и нефтепродуктов. Но как водится, придумали мы, а сделали первыми американцы. Наш Владимир Григорьевич Шухов не только сам строил нефтепроводы и первым в мире создал теоретическую базу для них, но и разработал технологию крекинга – её впервые поставили на промышленную основу те же американцы.

Мы должны усвоить уроки истории и сегодня не только вырабатывать простейшие продукты переработки вроде бензина и дизельного топлива, но и торговать продуктами тонких химических технологий. Тогда у нас будут и рабочие места, и норма прибыли, и всё нужное стране.

Кстати, ещё в разгар перестройки намечалось строительство в Сибири нескольких громадных комбинатов по производству – в том числе и на экспорт – множества ценных химических товаров из тамошних нефти и газа. Но пламенные борцы за реформы во главе с Егором Тимуровичем Гайдаром выступили против разбазаривания народных денег, жизненно необходимых – по их мнению – на удовлетворение социальных нужд. В результате страна не получила могучий источник дохода – в том числе и от экспорта. Нехватка доходов в конце концов обвалила всю экономику – вместе с социальными расходами. Замечательный пример стратегической недостаточности. Или, может быть, избыточности другой стратегии?

Иранский провал

Ещё один провал Бжезинского случился в бытность его советником по национальной безопасности президента Джэймса Эрла Джэймс-Эр-ловича Картёра. Совместными усилиями они проиграли одного из ключевых союзников – Иран.

Курс США на тесный союз с Ираном исходил из трезвого расчёта. Иран не только был мощной опорой стабильности в регионе и противостоял возможной советской экспансии на юг. Это был ещё и очаг вестернизации. Увы, его высшие руководители внедряли западные ценности так усиленно, что довольно скоро добились прямо противоположного результата.

1978-й год семьи президента США и шаха Ирана Мухаммеда Резаиша Пехлеви⁴⁵ встречали вместе. Американский президент рассыпался в комплиментах. Он назвал Иран надёжным островком стабильности в одном из самых горячих регионов мира, а руководителя страны – гарантом этой стабильности. Он восхитился уважением, с которым народ Ирана относится к своему монарху. И всё это – в тот момент, когда из-под шаха стала с небывалой скоростью уходить почва.

В аппарате Бжезинского и всём Совете по национальной безопасности не было сколько-нибудь серьёзных специалистов по Ирану. Разведка, обязанная поставлять исходные данные для переваривания в аналитических органах, жаловалась: потребители хотят слышать благостные вести, а не реальные сведения. В итоге руководство США даже не предполагало, что установленным шахом порядкам приходит конец. В конце сентября 1978-го американская военная разведка докладывала: в ближайшие десятилетия шах останется у власти. В обоснование приводился удивительный по интеллектуальной мощи аргумент: в прошлом шах преодолевал серьёзные кризисы. Замечательный пример линейного мышления людей, обязанных мыслить как раз нелинейно.

Вдобавок до американских разведчиков не дошёл поставленный французскими врачами ещё в середине 1970-х диагноз шаха: лейкемия. Онкологические заболевания не способствуют не только долголетию, но и разумности поведения. А без неё на такой руководящей высоте – никуда.

По советам американских специалистов шах развернул широкомасштабную программу либерализации. В частности, предоставил практически полную свободу студентам. Поразительная параллель с Горбачёвым, проводившим политическую либерализацию на фоне нарастающего хаоса в экономике и порождённой ею нестабильности в обществе. Впрочем, Горбачёв вряд ли способен усваивать хоть какие-то уроки: он, судя по его постсоветскому поведению, и на своих ошибках не учится, не говоря уж о чужих. Во всяком случае, результаты у шаха и Горбачёва оказались очень схожи.

Другие американские советники требовали ужесточить меры: провести репрессии, подключить армию. Был даже план проведения военного переворота. Это вносило ещё больше сумятицы в принятие решений по непрерывно усложняющейся обстановке. А её было кому усложнять.

Блестящий пропагандист и религиозный фанатик, люто ненавидящий Америку, аятолла (в переводе с арабского – откровение бога; в шиитской ветке ислама – высший богословский авторитет) Рухолла Мусави Сейид-Мустафич Хомейни сумел стать демонической фигурой. За ним, как за знаменем, устремилось дезорганизованное население Ирана. В то же время в New York Times – рупоре демократической партии, куда входят Бжезинский и

⁴⁵ Его отец Реза Аббас-Алиханович сменил фамилию Савадкухи – его родная деревня Алашт находится в районе Савад-кух провинции Мазендеран – на имя древней династии Пехлеви в 1925-м, когда в качестве премьера сместил последнего представителя прежней династии – Каджар – и занял его место.

Картёр, – появилась статья о терпимости Хомейни, о прогрессивных взглядах его команды, об его способности создать гуманистическую власть. Похоже, в это и впрямь кто-то верил.

Вот так под мудрым руководством Бжезинского Иран ушёл из объятий США. Не только одним источником нефти в американской зоне влияния стало меньше. Появилось государство, способное при желании дестабилизировать едва ли не весь юг Азии, включая и арабский мир: арабы с иранцами враждуют уже полтора тысячелетия. Великий стратег Бжезинский создал стратегическое препятствие всем дальнейшим американским планам.

Нефть против веры

Перед самой отправкой в редакцию окончательного текста этой книги, 2012.03.20, появилось сообщение об очередном раунде нефтестратегической войны. На сей раз Саудовская Аравия применяет против Исламской Республики Иран то же оружие, какое в союзе с Соединёнными Штатами Америки употребила против Союза Советских Социалистических Республик.

Иран в предвидении американской агрессии запасается главным в любой войне оружием – деньгами⁴⁶. Для этого всеми доступными средствами добывается подорожание нефти. Саудовская Аравия ради успокоения потребителей сообщает, что не только намерена в ближайшее время нарастить добычу и экспорт нефти, но и наращивает активность геологоразведки. В данный момент нефть стандартного сорта Brent (по месторождению в Северном море, открытом в 1970-м году и состоящему из горизонтов Broom, Rannoch, Etive, Ness и Tarbert) дороже \$125 за баррель. Это наивысший с 2008-го года уровень. Цель Саудовской Аравии, по словам западных чиновников, – снизить цены до \$100 за баррель. Эту позицию могут поддержать и другие страны ОПЕК. Например, власти Кувейта тоже готовы компенсировать нехватку нефти на рынке.

Итак, в начале III тысячелетия углеводороды столь же слиты с политикой, как и в конце II. Но теперь страна, претендующая на полное главенство в исламском мире, применяет оружие мирового нефтяного рынка не против страны неверных (в этом смысле наш отказ от коммунизма и атеизма ничего не изменил: крайние исламисты считают Россию, где большинство верующих составляют христиане, столь же не соответствующей их собственным взглядам), а против оплота сестринской конфессии. Да вдобавок и сотрудничает с христианскими Соединёнными Штатами Америки, устроить шиитам – отступникам с суннитской (а тем более с ваххабитской: Саудовская Аравия официально исповедует именно эту экстремистскую ветвь суннизма) точки зрения – Варфоломеевскую ночь.

Уже на ранней стадии своего существования – в VIII–IV веках – ислам испытал раскол. Политические мотивы – конкуренция различных претендентов на главенство – дополнились теократическими – претензиями на духовное наследование творцу новой веры Мухаммаду Абдул-лаховичу Курейшину. В результате от основной ветви – сунны (в переводе – пути), опирающейся исключительно на текст Корана и описание деяний самого пророка – отпочковалась шия (в переводе – фракция), считающая Али Абуталибовича – двоюродного брата пророка, четвёртого (и последнего несомненно вполне праведного) предводителя всех правоверных – практически равным самому пророку в качестве источника указаний праведности, а его потомков единственными бесспорными вождями всего ислама. Сейчас шиитов около 100 миллионов – примерно десятая доля всех мусульман.

Лидером среди суннитов считается Саудовская Аравия, среди шиитов – Иран. Напряжённость между этими державами не спадала даже тогда, когда Ираном правил абсолютно светский режим шаха Мохаммеда Резаиша Пехлеви. Это и не удивительно: арабы стали заметными конкурентами иранцев ещё до появления ислама, и само формирование новой религии в какой-то мере связано с напряжённостью противостояния. С тех пор оба народа не раз оказывались победителями – в том числе и в открытых войнах.

Не исключено, что и нынешняя война перейдёт из экономической формы в прямую перестрелку. Иран уже пообещал ответить на возможное американское нападение ударом

⁴⁶ Фразу «для победы нужны три вещи: деньги, деньги и деньги» приписывают многим прославленным полководцам. Скорее всего первым её произнёс кто-то из средневековых итальянских военачальников: тамошние карликовые по нашим меркам государства постоянно воевали между собою несколько веков подряд.

по арабским – прежде всего саудовским – нефтепромыслам. А многие военные специалисты полагают возможным пролёт через саудовское воздушное пространство израильских самолётов для удара по иранским ядерным объектам. От этого религиозная рознь никого не удержит: в средневековой Европе католики с протестантами охотно призывали на помощь мусульман и в распрях между собою, и против православных.

Для нас же в данном случае особенно важно очередное напоминание: мировой нефтяной рынок столь нестабилен, что на его конъюнктуре невозможно строить стратегические планы, да и неудержимые тактические ходы могут в любой момент наткнуться на непреодолимое препятствие.

Ресурсы – из трубы в трубу

Либеральные экономисты, как известно, призывали и призывают ограничить вмешательство государства в хозяйственную деятельность на том важном основании, что государство – всегда неэффективный менеджер. Деятельность либеральных министров экономического блока нескольких подряд правительств России весьма убедительно доказывает этот тезис. Они – менеджеры не просто неэффективные, а явно профессионально непригодные. Российское правительство, увы, не только не способно распорядиться грандиозными ресурсами страны. Оно ещё и систематически запрещает использовать эти ресурсы тем, чьим благом постоянно клялось – российским эффективным частным менеджерам.

Таскать вам не перетаскать

В самом деле, откуда взялся, например, пресловутый Стабилизационный фонд, чьим ростом постоянно гордились Алексей Леонидович Кудрин и Герман Оскарович Греф? Это в конечном счёте часть дохода от продажи невозполнимых российских ресурсов, изъятая из рук отечественного частного бизнеса и переданная в распоряжение бизнеса зарубежного. Причём переданная не напрямую (скажем, закупкой акций успешных предприятий, чьими доходами мы могли бы пользоваться в виде дивидендов или курсовой разницы), а через крупные инвестиционные фонды, где решения принимает уже не Россия, или даже просто через закупку иностранных валют, чью устойчивость могут обрушить те самые экономические потрясения, для защиты от которых формально и предназначается фонд.

Правда, перед глазами наших либералов – убедительный пример Норвегии. Тамошний Нефтяной фонд создан ещё в 1990-м – дабы не допускать инфляции. И действительно не допускает: там она давно удерживается на среднем уровне 1 % в год (с колебаниями от 0,7 % до 2 %), хотя и правительство, и независимые эксперты считают безопасным для Норвегии уровень в 2,5 % в год.

России до таких успехов далеко. У нас даже Стабилизационный фонд не помог опустить инфляцию ниже 9—10 % в год⁴⁷.

Это и не удивительно: в стране фактически отсутствует (или по меньшей мере поддерживает неприемлемо высокие ставки) рынок кредитов для бизнеса. Не в последнюю очередь потому, что чуть ли не все свободные средства, поступающие от экспорта нефти, изымаются ради стабилизации. Значит, всё те же эффективные частные менеджеры вынуждены заимствовать деньги за рубежом. Параллельно с сокращением государственного долга растёт долг частный. Его кризис, впрочем, также способен породить потрясения немногим меньшие, нежели памятный всем нам дефолт 17-го августа 1998-го⁴⁸.

А главное – экономике в целом всё равно, по каким каналам – экспортным или кредитным – поступают в неё деньги. Важно, способна ли она ответить на рост денежной массы соответствующим ростом массы товарной. Если не способна – инфляция неизбежна.

Норвежский товарный рынок давно стабилизирован и насыщен. Его рост в натуральном выражении возможен, по сути, лишь в меру появления новых видов товаров и услуг.

⁴⁷ Правда, в 2011-м инфляция составила примерно 6 % – но благодаря действию иных механизмов, почти не связанных с изъятием средств из экономики.

⁴⁸ К чести Кудрина следует признать: золотовалютные резервы Российской Федерации довольно точно соответствуют частным внешним долгам хозяйствующих субъектов РФ и по объёму, и по структуре. То есть при любых потрясениях валютных рынков или рынков сбыта страна может своими резервами покрыть долги своих граждан, переведя при этом соответствующую долю их владений в свою собственность. Но примерно того же результата можно было бы добиться и развитием внутреннего рынка заимствований на те же средства, что ушли в ЗВР.

Поэтому и рост в денежном выражении носит в заметной мере инфляционный характер. Значит, ограничивая приток нефтедолларов, норвежский Нефтяной фонд действительно препятствует инфляции.

В России же потребление товаров и услуг до сих пор катастрофически отстаёт от очевидно разумных уровней – не говоря уж об уровне общественных ожиданий, неизбежно завышенном десятилетиями радужных обещаний (как коммунистических, так и либеральных). Страна остро нуждается в росте предложения из любых источников – как собственного производства, так и импорта (не надо его бояться: в рыночном мире покупатель контролирует продавца). Предложение же обеспечивается в конечном счёте платёжеспособностью спроса. Искусственно ограничивая платёжеспособность изъятием доходов от экспорта, правительство способствует дальнейшей разбалансировке рынка. Стабилизационный фонд порождает дестабилизацию экономики.

В переломный период конца 1980-х– начала 1990-х, когда отечественная экономика переживала очевидный кризис, многие премудрые учёные и политики левой ориентации предлагали для выхода из этого кризиса воспользоваться технологией, употреблённой в США во время Великой Депрессии и известной как Новый Курс. Не вдаваясь в сущность этого курса, отметим только: Великую Депрессию породило массовое превышение предложения товаров и услуг в США над уровнем платёжеспособного спроса – кризис перепроизводства. У нас же кризис проистекал из массового превышения платёжеспособного спроса над предложением чего бы то ни было. Очевидно, Новый Курс мог бы лишь усилить такое превышение и тем самым утяжелить кризис.

Сейчас аналогичная картина – на правом фланге нашего политического спектра. Средствами, успешными в Норвегии, пытаются лечить болезни, прямо противоположные норвежским. И результаты, понятно, далеко не норвежские.

В старинной сказке дурак узнал: людей, несущих в закрома мешки с урожаем, надлежит приветствовать словами «Таскать вам не перетаскать». И вскоре обратился с этим призывом к похоронной процессии. Похоже, наши профессиональные экономисты – что левые, что правые – ещё не раз будут нас напутствовать столь же уместными советами.

Тактика без стратегии

Впрочем, следует признать: по части конкретных технологий манипулирования наши экономические министры были весьма изобретательны. Перечень квот, льгот, спецпошлин и прочих инструментов манипулирования рынком углеводородных энергоносителей, употреблённых в России с 1992-го и по сей день, может составить не одну страницу весьма занимательного чтения.

Увы, всё это – лишь мелкие тактические игры. Федеральные же министры и высшие чиновники – или хотя бы их советники, к чьему мнению они прислушиваются – должны обладать прежде всего стратегическим мышлением.

Стратегически же наша нынешняя позиция заведомо проигрышна. Как проигрышен был, например, в 1941-м Белостокский выступ на тогдашней западной границе СССР – независимо от изобилия там танковых корпусов и пехотных армий: удар в основание выступа отрезал их от источников снабжения и вскоре они, исчерпав складские резервы, стали лёгкой добычей германской армии⁴⁹.

⁴⁹ Выступ был сформирован в ходе советско-германских переговоров 22-28-го сентября 1939-го года как стратегический плацдарм для контрудара во фланг неизбежному немецкому наступлению в коридоре между Карпатскими горами и Припятскими болотами. В июне 1941-го контрудар провалился по тактической причине: технические проблемы, связанные с переходом к новому поколению танков, снизили подвижность советских танковых корпусов вдвое по сравнению с осенью 1939-го, так что войска просто не успели выйти на фланги противника до того, как он укрепил их. А когда советский удар

Первые звонки ещё не прозвучали. Нефтяной рынок несколько лет подряд пребывает в состоянии редкостного бума. Даже обещания ОПЕК нарастить добычу мало на что влияют: существующие промыслы работают почти в полную силу, а ввод новых мощностей – дело не слишком быстрое.

Но научный и технический прогресс ещё никому не удавалось удержать. А при столь высоких ценах он неизбежно направляется в сторону энергосбережения. Мировой опыт показывает: десяти лет нефтяного бума вполне достаточно, чтобы экономика западных стран сократила потребление энергии в разы. Значит, нашим экономическим министрам остаётся только молиться, чтобы манёвры ОПЕК оттянули обвал рынка хотя бы до конца нынешнего десятилетия. Правда, кругозор тактиков крайне редко простирается даже за пределы года.

Между тем, когда стратегическая перспектива столь очевидна, столь же очевидны и необходимые стратегические меры. Практически все экспортёры нефти используют доходы от неё для развития отраслей, способных приносить доход независимо от состояния энергетического рынка.

Например, та же Норвегия ещё до Второй Мировой войны располагала едва ли не лучшей в мире системой гидроэлектростанций: на тамошних горных реках их строить несложно и выгодно. Но за годы нефтяного бума эта система изрядно развита и усовершенствована. Конечно, не только ради самой энергии: у большинства станций располагаются энергоёмкие предприятия, вырабатывающие ценную и технически сложную продукцию.

Кстати, одно из таких предприятий – у станции Рjukan – сыграло весьма важную роль во Второй Мировой войне. Там электричество разлагает воду на кислород и водород, обладающий множеством применений в химической промышленности. Побочный продукт производства – тяжёлая вода: вода, содержащая тяжёлый изотоп водорода дейтерий, разлагается медленнее обычной. Дейтерий – весьма удобный замедлитель нейтронов, и германская ядерная программа военных лет ориентировалась на реактор с тяжёлой водой. Норвежские партизаны, прошедшие спецподготовку в английской диверсионной школе, взорвали завод и разрушили склад. Немцам так и не удалось существенно продвинуться к созданию ядерной бомбы. Из этого примера видно, в частности, сколь стратегически важны могут быть наукоёмкие технологии.

Страны Персидского залива не располагают достаточным числом кадров, чья квалификация приемлема для развития собственных наукоёмких производств. Поэтому немалая часть их нефтедолларов вложена в акции высокотехнологических предприятий Запада и – что куда важнее в стратегическом плане – в систему образования собственных граждан. Сейчас уже всерьёз рассматриваются возможности размещения в Заливе новых предприятий, чей уровень вполне достоин постиндустриальной эпохи.

Мы же не только не развиваем собственные высокие технологии, науку, просвещение, но и не поддерживаем уже существующий уровень, достигнутый десятилетиями неимоверного перенапряжения всей страны. Более того, уже несколько поколений министров экономического блока с упорством, достойным куда лучшего применения, разваливает все основы отечественного хайтека.

Вдобавок не следует забывать: индустриализация 1930-х годов, научные прорывы 1960-х оплачены очень дорого – ценой фактического банкротства отечественного сельского хозяйства. Из деревни изымали столько продовольствия, что остатков хватало лишь на нищенское существование. Крестьян всеми правдами и неправдами гнали в города на самые чёрные работы. Инвестиции в село были явно недостаточны даже для покрытия минимальных текущих потребностей – не говоря уж о компенсации вышеперечисленных потерь.

Сейчас у нас – впервые за много лет – появилась возможность отказаться от этой политики тришкиного кафтана, возместить потери села и в то же время обеспечить новый бурный рост ключевых достижений города. Но, похоже, близорукая привычка к латанию дыр стала у наших правителей второй натурой.

План на десятилетия

Правда, экономических министров можно понять. Самые перспективные направления науки и техники, способные приносить высочайшие доходы в обозримом будущем, у нас катастрофически неразвиты. Микроэлектроника отстала от мирового уровня на несколько поколений (в этой отрасли каждое поколение производственных технологий эффективно живёт считанные годы). Биотехнологии – по общему мнению экспертов, ключевое направление в ближайшие десятилетия – существуют в основном в виде благих пожеланий (хотя многие важнейшие их элементы базируются на открытиях отечественных исследователей). Нанотехнологии, чьи перспективы и вовсе необозримы, не были знакомы большинству наших министров даже по названию (что убедительно показало первое заседание правительства, специально посвящённое их обсуждению).

Между тем страна далеко не впервые сталкивается с подобным отставанием. И до сих пор всегда изыскивались пути его преодоления.

Вспомним хотя бы первую экономическую программу большевиков – план ГОЭЛРО. В конце разрушительной Гражданской войны поставлена стратегическая задача: создать качественно новую электроэнергетическую инфраструктуру и сеть предприятий, способных эффективно использовать её возможности. И эту задачу удалось решить немногим более чем за десятилетие.

Конечно, большевики привлекали как к постановке задачи, так и к её решению многих идеологически нейтральных специалистов. Да и эффективность коммунистического менеджмента оставляла желать лучшего: задачи чаще всего решались с явно избыточными затратами. Но все убытки в любом случае многократно окупались первыми же достигнутыми результатами: даже самая неэффективная работа лучше самой эффективной лени.

Вряд ли сейчас наши возможности меньше, чем после Гражданской войны. Но чтобы их использовать, нужна воля. А нынешнее правительство явно обделено ею. И использует свой интеллект (наличие которого у любых руководителей предполагается по умолчанию) для поиска не решений, а оправданий.

Гидродоллары

Воля правительства в начале 2000-х была ограничена прежде всего тактической близорукостью. Полноценное развитие наукоёмких технологий требует нескольких десятилетий напряженного труда. Наши горе-экономисты несомненно догадывались о предстоящем обвале нефтяного рынка – Стабилизационный фонд формально предназначен и для компенсации последствий этого обвала. Других же источников финансирования долгосрочных крупнозатратных программ они не видят.

Между тем по меньшей мере один такой источник предложен ещё в советское время. Это вода сибирских рек.

Центральная Азия, значительная часть Китая, да и многие южные земли самой России всегда испытывали – и по очевидным географическим причинам всегда будут испытывать – острый дефицит воды. В то же время север Сибири никоим образом не может использовать громадные водные потоки тамошних рек. Этот дисбаланс и предложено исправить соответ-

ствующим перераспределением стока с очевидными производственными и климатическими выгодами.

Увы, позднесоветская общественность встретила проект в штыки. Под руководством писателя Сергея Павловича Залыгина развернулась мощная пропагандистская кампания. Её эффект был особо силен ещё и потому, что страна уже отвыкла от массированных психологических атак раннесоветской эпохи и ещё не привыкла к столь же массированным постсоветским воздействиям.

Правда, следует признать: технико-экономическое обоснование проекта и впрямь оставляло желать много лучшего. Среднеазиатский – сравнительно коротковолокнистый – хлопок неконкурентоспособен в текстильной промышленности: по мере развития торговли с Египтом среднеазиатские плантации всё менее востребовались ткачами, оставаясь в основном источником целлюлозы для бездымного пороха. Технологии орошения почв в той же Средней Азии сохранились без изменения со Средневековья – и при малейшем избытке воды оборачивались необратимым засолением возделываемого слоя почвы. Грандиозные каналы для переброски воды предполагалось строить по системе, допускающей чудовищные потери на фильтрацию в почву, и эксплуатировать по системе, допускающей столь же чудовищные потери на испарение.

Но сегодня все эти проблемы преодолимы. Трубопроводы из армированных полимерных плёнок дешевле каналов и не теряют воду. Капельное орошение недёшево при обустройстве, но служит десятилетиями и эффективно использует буквально каждую каплю воды. Спектр сельхозкультур, доступных для выращивания под жарким южным солнцем, ограничен теперь не требованиями обороноспособности, а только коммерческими соображениями. Внутренний спрос азиатских республик – особенно Казахстана, чья экономика бурно развивается – вполне способен обеспечить рентабельность многих вариантов производства, в советское время вовсе не рассматривавшихся.

Вдобавок пребывает в глубоком упадке сельское хозяйство многих южных российских регионов. Правда, до Калмыкии сибирские воды вряд ли дотянутся. Но, скажем, оренбургские степи вполне способны ответить на эффективное орошение многократным ростом рентабельности производства.

Наконец, Китай – ещё недавно считавшийся потенциальным противником – становится одним из крупнейших наших торговых партнёров. А его собственные водные ресурсы близки к исчерпанию. Он уже почти полностью разобрал на орошение верховья Иртыша – чем основательно испортил отношения и со среднеазиатскими соседями, и с Россией. Слишком активная эксплуатация тибетских горных рек не только затруднена горными же барьерами, отделяющими их от китайских равнин, но и может обернуться жёстким конфликтом с Индией – а с нею у Китая и без того нелады. Словом, в ближайшем будущем Китаю куда выгоднее закупать воду у нас, чем выжимать последние капли у себя.

Увы, общественное предубеждение, сформированное ещё Залыгиным, никуда не исчезло. Несколько лет назад (по инициативе тогдашнего мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова) вопрос вновь обсуждался. И вновь вызвал бурю критики, обоснованной ничуть не лучше, чем в 1980-е. Похоже, и здесь дело не сдвинется с мёртвой точки без высшей политической воли, готовой и желающей заменить иссякающий поток нефтедолларов неисчерпаемым гидродолларовым ресурсом.

Сибирская вода – лишь частный пример общего принципа. Стабилизационный фонд формируется ценой продажи невозобновляемых ресурсов – и для защиты от их исчерпания. Эти ресурсы необходимо использовать так, чтобы в дальнейшем страна поддерживала и повышала уровень жизни путём эффективного использования ресурсов возобновляемых. Ведь их добыча ограничена лишь нашим интеллектом – то есть потенциально безгранична.

Россия может быть сильной, только если будет богатой. А богатой она будет, если её собственное руководство станет достаточно сильным, чтобы сорвать со своих глаз шоры и своими руками поднять страну.

Стратег ли Сталин. История в кривом зеркале

25-го февраля 1956-го на дополнительном— закрытом— заседании XX съезда КПСС (уже после того, как избранный съездом центральный комитет в свою очередь выбрал постоянно действующие руководящие органы партии; причём заседание шло под их руководством, так что может формально считаться не частью съезда, а всего лишь расширенным пленумом ЦК) Никита Сергеевич Хрущёв произнес доклад о культе личности Сталина. Доклад считался засекреченным, но через считанные дни оказался известен и у нас в стране (его зачитывали на заседаниях партийных организаций с участием комсомольского актива), и за рубежом. С тех пор и до самого недавнего времени представления большей части мира об Иосифе Виссарионовиче Джугашвили опираются на этот доклад.

Доклад принадлежит в основном самому Хрущёву: он изрядно отступил от текста, согласованного с коллегами, и даже переврал некоторые числовые данные из сводок, подготовленных спецслужбами. Современные исследователи пришли к выводу: основная масса негатива, включённого лично Хрущёвым в доклад, списана с деяний и черт характера самого Хрущёва и многих его соучастников по Большому Террору (с конца июня 1937-го по середину ноября 1938-го). К сожалению, значительная часть документов, способных однозначно

подтвердить или опровергнуть этот вывод, уничтожена в годы, когда Хрущёв руководил партией и правительством. Тем не менее уже сейчас ясно: всю эпоху правления Джугашвили надлежит изучать заново. Мы по возможности употребляем здесь фамилию, полученную вождём при рождении, а не его партийный псевдоним, именно ради того, чтобы отделить подлинную личность от позднейшего образа, сформированного при активном участии множества людей и структур, не заинтересованных в достоверной исторической картине.

Чтобы оценить важность этой достоверности, отметим: опора на явно искажённый образ повлекла цепочку событий, завершившуюся распадом нашей страны. Конечно, было тому и множество иных причин.

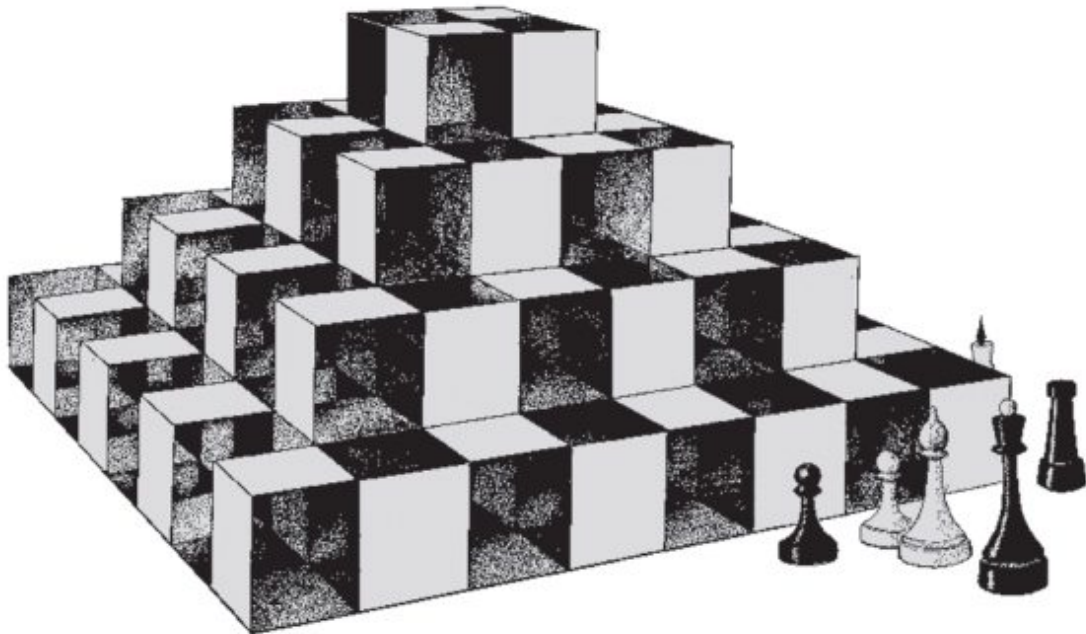
Но заблуждения в оценке прошлого немало способствовали ошибкам выбора пути в будущее. Один из нас, будучи политическим обозревателем пресс-центра ЦК ВЛКСМ, в качестве фронтового корреспондента побывал во всех горячих точках, возникших в процессе распада Союза, и видел первую пролитую при этом кровь. Вторую кровь – в октябре 1993-го, при столкновении законодательной и исполнительной власти Российской Федерации – мы оба видели, по счастью, только по телевизору. Но пишем эту книгу и эту её главу, помимо прочего, для того, чтобы третьей крови не увидел никто.

Главный пиарщик

Как мастер рекламы и агитации Джугашвили несомненно выше Йозефа Пауля Фридриховича Гёббельса – общепризнанно талантливого пропагандиста. А уж современные пиарщики вроде Владислава Юрьевича Суркова и Глеба Олеговича Павловского на три головы ниже – хотя и не прочь сыграть хоть одну из этих ролей, но явно не обладают надлежащим талантом.

Посмотрите хотя бы, как привечал Джугашвили обладателей бесспорного морального авторитета, какое внимание уделял им. Вспомните хотя бы известнейших беседовавших с ним деятелей мировой культуры: Хёрбёрт Джордж Джозефович Уэллс (тут важно ещё и то, что Уэллс десятилетием ранее общался с Ульяновым, и Джугашвили гордо показал ему достижения, в 1920-м казавшиеся великому фантасту чистейшей фантастикой), Лион Зигмундович Фойхтвангер⁵⁰ (тот в 1937-м побывал и на открытом процессе над выдающимися деятелями коммунистической оппозиции, включая Георгия Леонидовича Пятакова, Карла Бернхардовича Собельсона (Радека), Леонида Петровича Серебрякова, Хирша Янкелевича Бриллианта (Григория Яковлевича Сокольников), и пришёл к выводу о достоверности всего сказанного в судебных заседаниях), Джордж Бернارد Джордж-Каррович Шо, известный нам как Бернард Шоу (был социалистом – но совершенно иного, нежели коммунисты, толка) ... Да и советских деятелей культуры он чаще всего приглашал не только, как принято считать сейчас, ради идеологических накачек, но и ради очевидного удовольствия пообщаться с интересными людьми, обсудить с ними сложные задачи развития общества: тому сохранилось множество письменных свидетельств, причём не только мемуарных, но и дневниковых – по горячим следам.

Забота Джугашвили о деятелях культуры (и отечественных, и зарубежных), его внимание к ним совершенно не свойственны человеку, пренебрегающему общественным мнением. Очевидно, оно его очень интересовало. Почему – тема отдельного размышления.

⁵⁰ У нас зачастую немецкое буквосочетание «EU» передают не в соответствии со звучанием в литературной норме как «ОЙ», а взятым из каких-то диалектов «ЕЙ»: Фейхтвангер, Фрейд...

От катастрофы к торжеству

2-го августа 1933-го из Мурманска вышел свежестроенный в Дании по советскому заказу ледокольный пароход «Челюскин». Он должен был за одну летнюю навигацию дойти до Владивостока, высадив по пути сотрудников нескольких полярных станций и выгрузив снабжение для них.

Правда, время старта было явно слишком поздним для такого сложного маршрута. Да и ледокольную проводку организовать не удалось, а к самостоятельному преодолению тяжёлых льдов транспортные суда малопригодны. Уже 23-го сентября «Челюскин» оказался полностью заблокирован и далее дрейфовал вместе с ледовыми массивами по воле ветра и течений. 13-го февраля 1934-го пароход раздавило сжатие льда, и за два часа он затонул.

Экипаж и пассажиры были готовы к такому повороту дела. Они успели не только сойти на лед, но и выгрузить едва ли не все предназначенное для полярных станций. Погиб только завхоз Борис Григорьевич Могилевич. На льду оказались 104 человека (ещё 8 ранее эвакуировались, а жена геодезиста Василия Гавриловича Васильева – Доротея Ивановна Дорфман – успела родить дочь, названную Кариной в честь Карского моря, где она появилась на свет).

5-го марта к лагерю на льдине пробился полярный лётчик Анатолий Васильевич Ляпидевский на двухмоторном транспортном самолёте АНТ-4 (в военном варианте – ТБ-1), вывез 10 женщин и 2 детей. Затем погода надолго закрыла возможность полётов. Наконец, за 24 рейса с 7-го по 13-е апреля Михаил Васильевич Водопьянов, Иван Васильевич Доронин, Николай Петрович Каманин, Василий Сергеевич Молоков, Маврикий Трофимович Слепнёв вывезли всех полярников. Ещё один лётчик – Сигизмунд Александрович Леваневский – доставил в бухту Лаврентия врача для срочной операции аппендицита одному из эвакуированных. Все семеро лётчиков удостоились специально для них учреждённого звания: Герой Советского Союза.

Вот это звание – свидетельство сложных размышлений высшего руководства страны. Ведь по большому счёту экспедиция была подготовлена несомненно халатным образом. Тут и явное запоздание с выходом, и отсутствие ледокольной проводки в заведомо сложном для навигации районе, и не принятое вовремя – когда «Челюскин» ещё был на плаву – решение об эвакуации... По всем канонам того времени – да и по нынешним представлениям – за преступную халатность следовало судить.

Тем не менее глава экспедиции, начальник Главного управления Северного морского пути (то есть ответственный за все этапы организации) Отто Юльевич Шмидт был отправлен на срочное лечение на Аляску и прославлен как твёрдый и рачительный руководитель. Да и потом его карьера была весьма успешна.

Челюскинцев – и обитателей лагеря на льдине, и лётчиков – провезли по всей стране, торжественно приветствовали в каждом большом городе по пути следования, в Москве провезли в открытых автомобилях по улицам, буквально усыпанным цветами, оказали им грандиозные почести. Брат одного из авторов – Владимир Александрович Вассерман – живёт сейчас на одесской улице, в советское время переименованной из Кузнечной в улицу Челюскинцев.

Согласитесь, столь грандиозная пропагандистская работа никак не вяжется с традиционным мнением о маниакальном поиске вредителей всюду и во всём. Хотя процессов над вредителями в те годы и впрямь хватало, некоторые из них даже сейчас представляются обоснованными, а уж в экспедиции «Челюскина» и подавно можно было изыскать бесспорные пункты обвинения.

Не исключено, что в высшем советском руководстве и впрямь нашлись желающие покарать виновных в гибели парохода и громком провале самой идеи Северного морского

пути. Но репрессивный рефлекс перебороли сразу – и судя по многим сходным случаям, скорее всего боролся против него как раз Джугашвили. Нервное напряжение общества, вызванное полярной катастрофой, ушло в позитив. Романтика поиска и преодоления трудностей заразила молодых людей новой энергией. Да и уверенность в том, что страна сделает всё возможное для спасения каждого попавшего в беду, немало способствовала решительным действиям. Покорение Севера пошло куда активнее прежнего. И мировое общественное мнение восприняло эпопею «Челюскина» не как провал советской экспедиции, а как выдающееся проявление героизма, стойкости и высочайшей организованности.

Ещё серьёзнее оказалась воспитательная роль события. «Челюскин» прекрасно проиллюстрировал слова из повести Алексея Максимовича Пешкова (Максима Горького) «Старуха Изергиль»: «В жизни всегда есть место подвигу»⁵¹. Наглядный сегодняшний пример куда убедительнее обращения к памятной тогда Гражданской войне или далёкой истории. Массовый героизм советских людей в Великой Отечественной войне произрастал, помимо прочего, и из опыта «Челюскина». А в возвышенном, героическом, состоянии духа человеку нет преград, он способен сделать порою совершенно невозможное. Если бы не решение, как сейчас говорят, распиарить события вокруг «Челюскина», добиться победы в той чудовищной войне было бы куда сложнее.

О стратегической роли моральных возможностей в военном деле выразительно сказал ВЫДАЮЩИЙСЯ военный историк и теоретик стратегии Бэзил Хенри Бромлич Лидделл-Харт в своём главном труде (Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. – М.: Иностранная литература, 1957⁵²): «...стратегия должна выявить и отмотилизовать экономические и людские ресурсы страны или группы стран, чтобы обеспечить действия вооружённых сил. То же самое относится и к моральным возможностям, ибо воспитание у народа высоких моральных качеств часто является настолько же важным, как и обладание материальными средствами борьбы. Большая стратегия должна также регулировать распределение сил и средств между сухопутными, морскими и военно-воздушными силами, а также между вооружёнными силами в целом и промышленностью. Военная мощь является только одним из средств большой стратегии, которая в целях ослабления воли противника к сопротивлению должна принимать во внимание и использовать всю силу и мощь финансового, дипломатического, коммерческого и, не последнего по важности, идеологического давления. Хорошим аргументом являются и меч, и броня. Подобным же образом смелые действия в войне могут оказаться наиболее эффективным средством ослабления воли противника к сопротивлению и поднятия морального духа своих войск. Если военная стратегия ограничивается рассмотрением вопросов, связанных с войной, то большая стратегия занимается вопросами, связанными не только с войной, но и с последующим миром. Большая стратегия должна не только сочетать различные средства войны, но и обеспечить такое их использование, чтобы избежать ущерба для будущего мира – его безопасности и процветания. Недовольство обеих враждующих сторон послевоенным устроением, характерное для большинства войн, наводит на мысль о том, что в отличие от стратегии сущность большой стратегии большей частью является *terra incognita* и нуждается в дальнейшем изучении и развитии..... Цель войны – добиться лучшего состояния мира, хотя бы только с вашей точки зрения. Поэтому при ведении войны важно постоянно помнить о тех целях, которых вы желаете достигнуть после войны. Эту истину, лежащую в основе определения Клаузевицем войны как продолжения политики другими средствами, т. е. продолжения этой политики в течение всей войны и даже в мирное время, никогда нельзя забывать.

⁵¹ Правда, ехидные комментаторы давно добавили: «и от этого места надо быть чем подальше». Но этому совету далеко не всегда можно – и тем более далеко не всегда нужно – следовать.

⁵² С тех пор эта книга у нас не раз переиздана, что указывает на её нужность.

Государство, которое растрчивает свои силы до полного истощения, делает несостоятельной свою собственную политику и ухудшает перспективы на будущее».

Замысел Джугашвили расшифровал разве что великий драматург и остроумец Шоу. Он сказал: «Вы удивительная страна! Даже трагедию вы ухитрились превратить во всенародный триумф».

Предвоенные манёвры

Сегодня принято обвинять СССР в договоре с Германией от 23-го августа 1939-го: мол, соглашение развязало Германии руки для агрессии. Но именно СССР сразу после прихода к власти национальной социалистической немецкой рабочей партии занялся строительством общеевропейской системы коллективной безопасности, позволяющей предотвратить любые агрессивные действия. Разрушила эту систему прежде всего Великобритания: ей необходимо было очередной раз в истории создать на европейском континенте противовес Франции, оставшейся без видимых противников после Первой Мировой войны.

Последним шагом этого разрушения стало Мюнхенское соглашение 30-го сентября 1938-го. Франция под британским давлением отказалась от союзнических обязательств по отношению к Чехословакии. СССР подтвердил готовность исполнить свои обязательства о помощи, но чехословацкие власти под англо-французским давлением отказались от любых попыток спастись. Вскоре Чехословакия распалась. Германия принудила Словакию к союзу и оккупировала всю Чехию. Тем самым она получила в своё распоряжение не только изрядный экономический потенциал, но и первоклассную военную промышленность, включая изобретательные конструкторские кадры и рабочих высшей квалификации. До конца Второй Мировой чешские заводы дали Германии почти весь парк самоходных орудий, многие тысячи самолётов и моторов, прекрасное стрелковое оружие и многое другое, чего в сумме хватило бы на полный разгром практически всей континентальной Европы.

Даже после этого явного предательства СССР продолжил борьбу за коллективную безопасность. Переговоры с Великобританией и Францией тянулись несколько месяцев. Но наши «партнёры по переговорам» не только цеплялись за каждую возможность ничего не делать, но и не пытались изменить позицию Польши, решительно отвергающей любую возможность военного сотрудничества с нами, так что советские войска просто не смогли бы противостоять Германии до полного разгрома ею самой Польши. Последней каплей в чаше терпения советского руководства стало отсутствие у западных военных делегаций полномочий на заключение каких бы то ни было обязывающих соглашений.

В то же время сам по себе договор о ненападении вполне соответствовал тогдашней мировой политической практике. Например, та же Польша заключила такой же договор с Германией пятью годами ранее (и Германия официально расторгла его ещё за полгода до нападения на Польшу).

Правда, утверждают: мол, договор сопровождался секретным соглашением о разделе Восточной Европы. Но и это было в ту эпоху общепринято. Секретные разделы есть едва ли не в каждом договоре с древнейших времён и по меньшей мере до конца Второй Мировой. Корзина для грязного белья – необходимый бытовой атрибут любого дома и любого правительства. В архивах секретных ведомств той же Великобритании то и дело – по мере завершения почти вековых сроков сохранения тайны – всплывают вещи пострашнее.

Более того, даже опубликованный текст секретного приложения не содержит ничего формально предосудительного, а только указывает, в каких пределах каждая из договаривающихся сторон намерена не влиять на другую. Если бы не сама Вторая Мировая, он так и остался бы одним из бесчисленного множества примеров заботы государств о предотвращении конфликтов между собою.

Западная граница СССР, соответствующая секретному приложению, довольно точно соответствует естественным этническим границам вроде той же линии Кёрзона, отделяющей земли с преобладанием польского населения от земель с преобладанием русского (в 1919-м, когда министр иностранных дел Великобритании Джордж Натаниэл Алфредович Кёрзон предложил этот принцип проведения русско-польской границы, ещё никто всерьёз

не считал белорусов и украинцев отдельными от остальных русских). Более того, эта граница оптимальна и в военном отношении. Военный министр Российской империи Алексей Николаевич Куропаткин, отправленный в отставку за неудачное проведение японской кампании (его план был разумен в чисто военном отношении, но совершенно не учитывал политическую обстановку в России, а потому спровоцировал революцию), занялся исследованием общего и военного состояния страны. В 1910-м году он выпустил трёхтомник «Задачи русской армии», где помимо прочего исследовал защитимость российских границ. По его расчётам оптимальной оказалась именно та граница, какая в основном сформировалась у СССР к началу Великой Отечественной войны и окончательно утверждена переговорами в Ялте 4—11-го февраля 1945-го.

Джугашвили вообще (хотя сейчас его эпоху всячески противопоставляют дореволюционным временам) придерживался идеи возрождения былых имперских возможностей – в том числе и географических. За пределы империи он вышел лишь в очень немногих местах. Восточная Пруссия оказалась поделена между Польшей и СССР по чисто военным соображениям. А Северная Буковина и Галичина, в имперские времена входившие в Австрию, стали нашими не только по военным причинам, но и вследствие стремления воссоединить всех русских независимо от их дробного этнического разделения. Кстати, на ялтинских переговорах главный оппонент Джугашвили и давний противник России во всех её воплощениях Уинстон Леонард Рэндолфович Спенсёр-Чёрчилл возмутился: «Львов никогда не входил в Россию!» Джугашвили тут же парировал: «А Варшава входила». Чёрчилл, в ту пору лоббировавший польские интересы в надежде на возвращение лондонских эмигрантов во власть, согласился с советским предложением о границах Польши: возвращение всех русских земель в обмен на компенсацию за счёт востока Германии.

Вдобавок тюменский журналист Алексей Анатольевич Кунгуров доказывает: опубликованный текст приложения – поддельный. Он выявил в этом кратком документе немало исторических и географических нестыковок, вряд ли возможных для дипломатов, знакомых с местными обстоятельствами. По его мнению, дополнительный протокол сочинили сами первоиздатели – весной 1946-го в Соединённых Штатах Америки – на основании уже состоявшихся событий, по принципу «если бы я был таким умным сейчас, как моя жена потом», но при этом напутали в неведомых им восточноевропейских реалиях. Если эта версия не просто правдоподобна, но и правильна, придётся признать: точкой опоры для развала нашей страны послужила халтурная фальшивка.

Впрочем, даже если секретный протокол достоверен – его нынешняя трактовка несомненно ложна. Она продиктована желанием набрать в политической игре шкурные очки за чужой счёт. Реально же договор – хоть с секретным протоколом, хоть без него – всего лишь дал СССР передышку, необходимую хотя бы для разработки и запуска в производство оружия нового поколения.

И танки наши быстры

Положение в области вооружения было изрядно запущено. В значительной мере – стараниями Михаила Николаевича Тухачевского, несколько лет бывшего заместителем по вооружениям народного комиссара обороны. Герой Гражданской войны, один из пятерых первых маршалов не имел фундаментального военного образования, а потому изрядно увлекался некоторыми перспективными направлениями боевой техники в ущерб цельности взаимодействия всех видов оружия и родов войск. Достаточно сказать, что наряду с активным развитием средств радиовзрывания мин (что в войну использовали для нескольких очень эффективных диверсий) он совершенно не уделял внимания радиосвязи в войсках и не ставил вопрос о создании массового производства радиопередатчиков: дефицит пришлось восполнять уже во время войны – в значительной мере благодаря американским поставкам.

Конечно, отличился не один Тухачевский. Сменивший его на этом посту Григорий Иванович Кулик легко поддался, например, на слухи о немецких разработках новых танков, неуязвимых для тогдашней противотанковой артиллерии. Немцы действительно ещё в 1936-м начали разработку танка, впоследствии знаменитого под именем «Тигр», но в рамках их концепции ведения боевых действий он был не обязателен: не зря серийное производство началось только к концу 1942-го. Да и трофейные французские танки с бронёй в 60–80 мм немцы использовали разве что при редких атаках на особо укрепленные районы. Так что начатые по инициативе Кулика разработки нового поколения артиллерии остались не востребованы. Зато производство пушек, реально необходимых стране, перед войной заглохло.

Словом, уже в 1939-м Джугашвили пришлось всерьёз влезать в разработку вооружений. Конечно, не в качестве конструктора. Но формулировать требования к новым образцам и выбирать среди представленных вариантов он был вынужден едва ли не единолично. Военные могли разве что помогать ему ответами на его въедливые вопросы.

Примеров участия Джугашвили в перевооружении можно приводить множество. Поэтому ограничимся ярчайшим.

Танковые гусеницы работают в пыли, поэтому очень быстро изнашиваются. Только во второй половине 1930-х годов разработаны сплавы, способные обеспечить пробег в несколько тысяч километров. До того приходилось искать иные способы перемещения танков на большие расстояния. Французы создали многоколёсные автотранспортёры для подвоза танков к самому полю боя. Американские и немецкие⁵³ конструкторы спроектировали несколько вариантов колёсного хода на самих танках. Один из них – американского конструктора Кристи, с натянутыми на ведущие колёса съёмными гусеницами – СССР купил для лицензионного производства под маркой БТ – быстроходный танк.

К моменту появления марганцовистых сталей для гусениц БТ претерпел немало модификаций, стал совершеннейшим в советских войсках и одним из лучших в Европе. Понятно, военные и производственники хотели развивать эту схему дальше. Вдобавок высокая скорость танка обещала множество вариантов его боевого применения.

Но сложность колёсно-гусеничного хода ограничила возможности танка в целом. Допустимая нагрузка на резиновые бандажные колёса стала непреодолимым барьером для наращивания брони. Да и мест, удобных для движения на колёсах, в нашей стране куда меньше, чем нужно для свободного маневрирования в ходе боевых действий (не зря бывший политрук танковой роты, затем легальный клерк женевского представительства главного разведыва-

⁵³ Версальский договор запретил немцам разрабатывать многие виды вооружений, включая танки. Поэтому до середины 1930-х немецкие военные конструкторы работали в других странах. Подводные лодки создавались в Нидерландах, пулемёты в Швейцарии, танки в Швеции...

вательного управления генерального штаба Советской армии, а ныне британский пропагандист Владимир Богданович Резун объявил БТ созданными исключительно для пробега по германским автострадам, чьё строительство началось через несколько лет после развёртывания серийного производства БТ).

Известный исследователь примененных Джугашвили методов управления Владимир Михайлович Чунихин в статье «Зачем Сталину была нужна власть?» цитирует воспоминания генерал-лейтенанта (в ту пору – майора) Александра Александровича Ветрова. 4-го мая 1938-го на одном из множества совещаний, посвящённых перевооружению Ра-боче-Крестьянской Красной армии, Ветров доложил об опыте боевых действий танкового полка, где был заместителем командира, в Испании. Там уже обозначилось насыщение войск противотанковыми пушками, легко справляющимися с противопулевым бронированием БТ. Джугашвили, выслушав доклад, заинтересовался взглядом Ветрова на колёсно-гусеничный ход. Тот попытался сослаться на коллективное одобрение этой схемы в полку (а в мемуарах упоминает: к началу совещания он уже знал, что Автобронетанковое управление также всецело настроено на дальнейшее развитие этого направления). Но Джугашвили всё же вытянул его личное мнение. Как инженер, Ветров был за чисто гусеничный ход, упрощающий и конструкцию, и уход за нею. Завязался жестокий спор. Большинство присутствующих – включая военачальников и конструкторов – выступало за дальнейшее развитие существующей схемы. Только сам Джугашвили голосовал за полный отказ от колёс. В конце концов совещание решило параллельно с дальнейшим развитием колёсно-гусеничного БТ проработать и его гусеничный вариант. Так зародился будущий Т-34 – по совокупности показателей лучший, невзирая на унаследованные от БТ неудачные решения, танк Второй Мировой войны.

На всех дальнейших этапах его проектирования и модернизации Джугашвили тоже следил за ним, зачастую даже ограничивая конструкторское стремление к совершенству ради наращивания производства: большое число приемлемой техники куда полезнее фронту, нежели немногочисленные идеальные образцы. На этом, кстати, пострадали немцы. Их Т-5 «Пантера» несомненно лучше Т-4, но вдвое тяжелее и сложнее в производстве, а по боевой эффективности пара Т-4 намного перекрывает один Т-5. Поэтому переход к Т-5 существенно подорвал боевую мощь немецких танковых войск вследствие резкого падения производства. СССР не допустил такого провала в производстве: Т-34 совершенствовались ровно настолько, насколько требовалось по текущим военным условиям, и его производство непрерывно наращивали.

Понятно, решение принято не только на основании доклада Ветрова. Более того, Джугашвили скорее всего вызвал на совещание его, а не командира полка, именно потому, что нуждался во мнении техника, а не строевика. То есть уже располагал какими-то сведениями. Но воспользовался возможностью и проверить эти сведения, и обсудить их со всеми заинтересованными лицами.

Вообще статью Чунихина нужно прочесть полностью. В ней описано множество управленческих приёмов Джугашвили, полезных и любому нынешнему руководителю – если, конечно, он окажется достаточно умён, чтобы пользоваться ими вовремя и к месту.

Стратегический... ретроград

В своё время нам попала в руки книга военного инженера Загор-дана «Элементарная теория вертолѐта», изданная ещё в 1950-х. Автор с глубоким знанием предмета своего исследования писал: «Большой вклад в дело создания первого в мире вертолѐта внѣс ученик профессора Жуковского Борис Николаевич Юрьев. Он сконструировал в тысяча девятьсот девятом году двухвинтовой вертолѐт, для которого разработал «автомат перекося», разрешив тем самым проблему управления вертолѐтом. Автомат перекося в настоящее время является неотъемлемой частью любого вертолѐта. Юрьевым разработан также и в тысяча девятьсот двенадцатом году построен одновинтовой вертолѐт». Кстати, скоро вековой юбилей.

Этот геликоптер Юрьева даже получил медаль на международной выставке. Изобретатель после Октябрьской революции остался на Родине и продолжил разработки совместно с Алексеем Михайловичем Черѐмухиным. Черѐмухин, как и Юрьев, ученик профессора Жуковского, на его же курсах ещё в годы Первой Мировой познакомился с Андреем Николаевичем Туполевым. Все они затем помогали Жуковскому в становлении Центрального аэродинамического института, открытого, кстати, по решению Ульянова.

Собственно работы по воздушным – в частности, вертолѐтным – винтам занимают особое место в трудах самого Николая Егоровича Жуковского. Эти материалы и послужили базой для дальнейшего развития советскими учёными теории несущего винта вертолѐта.

По воспоминаниям Туполева после успешного строительства самой большой в мире аэродинамической трубы именно Черѐмухину «поручается руководство работами ЦАГИ по винтовым аппаратам (геликоптерам и автожирам)... В результате ряда опытно-исследовательских работ под непосредственным техническим руководством Черѐмухина был создан первый советский геликоптер».

Черѐмухин не только проектирует и строит геликоптер, но и испытывает этот совершенно неизвестный аппарат в полѐте, причѐм во время испытаний побит ряд мировых рекордов. В ходе дальнейших полѐтов Черѐмухин 14-го августа 1932-го года на вертолѐте 1-ЭА достиг высоты шестьсот пять метров. Результат Черѐмухина намного выше официально зарегистрированного мирового рекорда высоты полѐта французского вертолѐта Бреге-Доран (сто восемьдесят метров), установленного спустя четыре года. Нельзя не подчеркнуть: и первый американский вертолѐт Сикорского поднялся в воздух только в сороковом году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.